

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского еврейского конгресса

Советская иудаика: история, проблематика, персоналии / Науч. ред.
Марк Куповецкий. Иерусалим; М.: Гешарим / Мосты культуры,
2017. — 416 с.

ISBN 978-5-93273-494-0

Исследования, составившие настоящее издание, — это переработанные и дополненные тексты докладов, представленных на международной научной конференции «Советская иудаика: история, проблематика, персоналии», в РГГУ. Сборник включает статьи российских, белорусских, американских и израильских историков, этнологов, филологов и культурологов по различным аспектам истории советской иудаики — комплекса научных дисциплин, основным объектом изучения которых являются евреи, их история, религия, культура, языки и т.д. Авторы актуализируют на данном исследовательском поле такие важные универсальные феномены, как взаимодействие личностного и социального начал, временные и региональные особенности институциональной истории советской иудаики, включая феномен неофициальных научных поисков в рамках, т.н. «параллельной» науки в СССР в последнее десятилетие существования.

Для всех интересующихся советской историей, еврейской историей и культурой

© Коллектив авторов, 2017

© Российский государственный гуманитарный университет, 2017

ISBN 978-5-93273-494-0

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
<i>Дан Харув</i> . Бурное десятилетие Семена Марковича Дубнова: библейская история как национальная миссия во время мирового кризиса (1914–1924)	13
<i>Элисса Бемпорад</i> . Израиль Сосис и наследие русско-еврейской историографии	35
<i>Дмитрий Шевелёв</i> . Из истории еврейских академических подразделений в Белорусской Советской Социалистической Республике в 1920-х — начале 1940-х гг. (По документам Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси.)	72
<i>Андрей Замойский</i> . «Лицом к местечку!»: Изучение местечек Советской Беларуси в 1920–1930-е годы	82
<i>Дебора Ялен</i> . Статистическая интерпретация и политика еврейского страдания: Переосмысливая жизнь и творчество Ильи Исааковича Вейцблита (1895–1937)	96
<i>Михаил Крутиков</i> . Советская еврейская фольклористика в идеологическом контексте 30-х гг.	118
<i>Геннадий Эстрайх</i> . (Интер)национализм в творчестве Переца Маркиша: О роли литературоведческого интерфейса в еврейской литературе	136
<i>Александр Иванов</i> . Выставка «Евреи в царской России и в СССР» в контексте советского музейного строительства в 1930-е гг.	157
<i>Марк Куповецкий</i> . Исследователь социально-экономической модернизации советского еврейства Лев Григорьевич Зингер в московских реалиях 20-х — начала 50-х гг. XX века	201
<i>Давид Э. Фишман</i> . Еврейский музей в Вильнюсе, 1944–1949 гг.	242
<i>Леонид Кацис</i> . «Русско-еврейская литература» как предмет изучения в XX веке	261

Семен Якерсон. «Я остался в Ленинграде, чтобы стать гебраистом». Немного о моем незабвенном наставнике Льве Ефимовиче Вильскере ו"י и отечественной гебраистике его времени .	273
Игорь Крупник. Как мы занимались историей... и этнографией: К 35-летию Еврейской историко-этнографической комиссии, 1981–1990 гг.	286
Михаэль Бейзер. Подпольная иудаика в Ленинграде в 1980-х годах	361
Игорь Котлер. Мой путь в иудаику	379
Аркадий Зельцер. Как я попал в историю	396
Summaries	407
Сведения об авторах	413

CONTENTS

<i>Introduction</i>	9
<i>Dan Haruv</i> . The Stormy Decade of Simon Dubnov: Biblical History Writing as National Mission in the Time of the World Crisis (1914–1924)	13
<i>Elissa Bemporad</i> . Israel Sosis and the Legacy of Russian-Jewish Historiography	35
<i>Dzmitry Shavaliou</i> . On the History of Jewish Academic Institutions in the Byelorussian Soviet Socialist Republic in the 1920s — early 1940s (Based on the Documents of the Central Scientific Archive at the National Academy of Sciences, Belarus)	72
<i>Andrei Zamoiski</i> . “Face to Shtetl!” The Study of Small Towns of Soviet Belarus in the 1920–1930-s	82
<i>Deborah Yalen</i> . Statistical Interpretation and the Politics of Jewish Suffering: Revisiting the Scholarship of Ilia Isaakovich Veitsblit (1895–1937)	96
<i>Mikhail Krutikov</i> . Soviet Jewish Folkloristics in the Ideological Context of the 1930s	118
<i>Gennady Estraiikh</i> . (Inter)nationalism in Peretz Markish’s Writing: the Role of Literary-Critical Interface in Yiddish Literature.	136
<i>Alexander Ivanov</i> . The Exhibition “Jews in Tsarist Russia and in the USSR” within the Context of Museum Construction in Soviet Union in 1930s	157
<i>Mark Kupovetsky</i> . Lev G. Zinger: A Researcher of Socio-Economic Modernization of the Soviet Jewry Against the Backdrop of Moscow Realities in the 1920s – Early 1950s	201
<i>David E. Fishman</i> . “The Jewish Museum in Vilnius, 1944–1949”.	242
<i>Leonid F. Katsis</i> . Russian-Jewish Literature as a Subject of Study in the XXth Century	261

<i>Shimon Iakerson</i> . "I remained in Leningrad to become a Hebraist". A little bit about my Beloved Mentor Leib Vilsker ב"ר and Hebrew Studies of His Time	273
<i>Igor Krupnik</i> . How we practiced history... and ethnography. To the 35 th Anniversary of the Jewish Historical and Ethnographic Com- mission, 1981–1990	286
<i>Michael Beizer</i> . Underground Jewish Studies in Leningrad in 1980s	361
<i>Igor A. Kotler</i> . My road to Jewish Studies	379
<i>Arkadi Zeltser</i> . How I Became a Historian	396
Summaries	407
About the authors	413

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель этой книги, как представляется, прежде всего заинтере-сован в понимании побудительных мотивов ее публикации. Немало-важен также и аспект описания основных этапов реализации данного издательского проекта.

В конце 2008 г., обсуждая планы дальнейшего развития Российско-американского учебно-научного Центра библеистики и иудаики Российского государственного гуманитарного университета (ЦБИ РГГУ), мы тогда с содиректором ЦБИ с американской стороны Давидом Фишманом пришли к мнению о целесообразности проведения в декабре 2009 г. в ЦБИ РГГУ международной научной конференции «Советская иудаика: история, проблематика, персоналии».

Поводов для проведения тогда подобной конференции было несколько. 8 октября 2008 г. из Израиля пришла скорбная весть о безвременной кончине Альфреда Аврахама Гринбаума — инициатора и одного из наиболее компетентных исследователей истории иудаики в Советском Союзе. Еще в 1958 г. А.А. Гринбаум успешно защитил в далеком Бостоне в Университете Брандейз докторскую диссертацию «Еврейская наука в Советской России, 1918–1941». В 1978 г. Еврейский университет в Иерусалиме издал его, ставшую к настоящему времени, по сути классической, монографию «Еврейская наука и научные учреждения в Советской России. 1918–1953». Знаменательно, именно эта монография А.А. Гринбаума стала в 1994 г. первой переводной публикацией издательства «Мосты культуры/Гешарим», издающего и настоящую книгу.

В 2008 г. на решении инициировать проведение в ЦБИ РГГУ в декабре 2009 г. международной научной конференции «Советская иудаика: история, проблематика, персоналии» сказались и несколько важных для отечественной иудаики памятных дат.

Тогда минуло ровно столетие с создания в 1908 г. в Санкт-Петербурге знаменитого Еврейского историко-этнографического общества, сыгравшего одну из ключевых ролей в развитии не только отечественной, но и мировой иудаики в первой трети XX в. Близились и 30-летие с момента образования в Москве Еврейской историко-этнографической комиссии, подхватившей ускользавшую в СССР нить независимых инициатив изучения и популяризации истории и культуры советских евреев. Именно с такой точки зрения заметной вехой

Фото 5. Щит «В Стране Советов» на выставке «Евреи в царской России и в СССР». Фотография из собрания Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге.
© Российский этнографический музей, Санкт-Петербург.

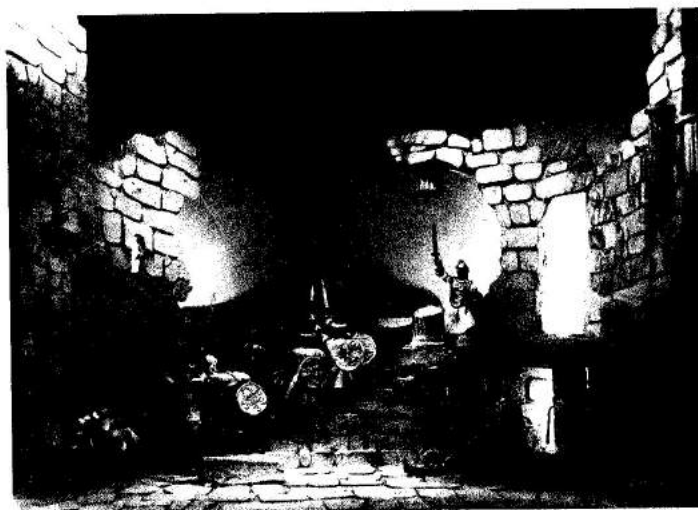

Фото 6. Сцена из постановки «Бар-Кохба» в Московском Государственном еврейском театре. Макет на выставке «Евреи в царской России и в СССР». Фотография из собрания Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге.

© Российский этнографический музей, Санкт-Петербург.

Марк Куновецкий (Москва)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ЕВРЕЙСТВА
ЛЕВ ГРИГОРЬЕВИЧ ЗИНГЕР
В МОСКОВСКИХ РЕАЛИЯХ
20-х — НАЧАЛА 50-х гг. XX ВЕКА

Практически ни одно из сколь-нибудь компетентных исследований социальной истории межвоенного советского еврейства не обходится без ссылок на работы Л.Г. Зингера. Будь то его глубоко фундированные исследования конца 20-х — середины 30-х гг.¹ или научно-популярная публицистика конца 30-х — 40-х гг.², публикации Л.Г. Зингера вплоть до конца XX века были определенно востребованными.

Причина предельно проста. Именно в увидевших свет работах Л.Г. Зингера исследователи второй половины XX века находили то, что после «архивной революции» 90-х гг. на постсоветском пространстве их современные коллеги черпают непосредственно в архивных источниках — подробную и корректно обработанную статистическую информацию о социально-экономической модернизации советских евреев в межвоенный период.

Впрочем, этим весомый вклад Л.Г. Зингера в советскую иудаику явно не ограничивается. С конца 1927 г. в течение более чем десяти лет он вел также интенсивную и масштабную работу по информационному и аналитическому обеспечению реализации инициатив как еврейских общественных организаций, включая зарубежные и международные, так и советских государственных структур по радикальным социально-экономическим преобразованиям в отношении советских евреев. Эта сторона его деятельности отразилась, в частности, в издании на правах рукописи в 1928–1931 гг. четырнадцати выпусков статистических материалов, многие из которых были плодом его собственных организационных и исследовательских усилий³. Однако даже те современные авторы, кто в последние годы вводит в научный оборот и исследует отложившиеся в московских архивах статистические материалы о советских местечках накануне

Холокоста⁴, как представляется, остаются в неведении, что наиболее обстоятельные из них часто результат целенаправленных усилий Л.Г. Зингера. Именно он инициировал, разрабатывал программы, непосредственно руководил реализацией и провел первичную обработку и статистический анализ результатов анкетных и экспедиционных обследований ряда местечек Украины и Белоруссии, осуществленных в 1934–1935 гг.⁵

Показательно также, что, вернувшись из эвакуации в тяжелейшем 1944 г., сотрудничая с Еврейским антифашистским комитетом (ЕАК), Л.Г. Зингер написал работу «Евреи СССР в эвакуации»⁶, явно пионерскую по столь востребованной ныне проблематике.

Аврахам Гринбаум — автор весьма обстоятельной и до настоящего времени единственной монографии по истории советской иудаики, опираясь исключительно на опубликованные работы Л.Г. Зингера, достаточно определенно трактует его ценностные ориентации в 30-х — 40-х гг. в терминах «осторожность» и «страх»⁷. Как кажется, оправдывая столь дискомфортную для исследователя атмосферу научного поиска Зингера в указанный период, А. Гринбаум отмечал: «[Зингеру] пришлось в дальнейшем заглаживать свою прежнюю деятельность, которой он занимался под эгидой осуждаемой властями филантропии [во время работы в 1926–1930 гг.] ... статистиком в ОРТе»⁸.

В этой связи уместно заметить, что в западной советологии разгара Холодной войны, а именно тогда писал А. Гринбаум свой труд, господствовали представления о советском обществе 30-х — начала 50-х гг. XX в. в целом и об отдельных его индивидуумах, в частности, преимущественно как о жертвах тоталитарного сталинского режима. На наш взгляд, именно под таким углом зрения следует воспринимать еще одно замечание А. Гринбаума о Л.Г. Зингере, как об апологете советской государственной политики в отношении еврейского меньшинства. Таковым, по мнению А. Гринбаума, Зингер предстает в своей последней книге на идише «Возрожденный народ», вышедшей не ранее середины 1948 г. «В последней книге Зингера ощущается пренебрежительное отношение к еврейской культуре, а акцентирование еврейских достижений в советском обществе ... было зловещим предзнаменованием»⁹.

В данной статье не ставится задача предметного анализа значимости научного наследия Л.Г. Зингера. Основная цель — изучение социальных контекстов формирования его ценностных ориентаций и механизмов их реализации как исследователя и современника истории советского еврейства 20-х — 40-х гг. Также ставится задача ввести в научный оборот сведения о тех малоизвестных научных структурах, исследовательских и иных проектах в различных областях иудаики в Москве конца 20-х — 40-х гг. XX века, в которых Л.Г. Зингер принимал сколь-нибудь активное участие.

Концептуальную основу настоящего исследования составляет гипотеза о ценностной последовательности в профессиональном и мировоззренческом выборе Л.Г. Зингера как советского экономиста и национально мыслящего еврея на протяжении второй половины 20-х — начала 50-х гг. До второй половины 30-х гг. у него имелись весьма широкие возможности не только изучать, но и как эксперту влиять на ход процессов радикальной большевистской социально-экономической модернизации советского еврейства. С 1938 по 1948 гг. при усилении политико-идеологического давления сталинского режима Л.Г. Зингер целенаправленно искал и находил возможности фиксировать ее результаты, стремясь доносить их до читателя как внутри СССР, так и за рубежом. В последнем случае важно не только, что он писал и как, но и то, о чем он уже писать попросту не мог. Иными словами, на наш взгляд, преимущественно менялись механизмы реализации его профессионального и мировоззренческого выбора, но не их ценностная основа.

Данная гипотеза базируется на творческом переосмыслении вывода Митчелла Брайана Харта о тесной взаимозависимости профессионального и национального начал в исследовательской активности евреев — статистиков и экономистов, изучавших в конце XIX — первой трети XX вв. современные им процессы социально-экономической модернизации евреев. По мнению Харта эти исследователи стремились в рамках своей профессиональной компетенции не только манифестировать собственное национальное самосознание, но и активно участвовать в бурных процессах национального возрождения¹⁰.

Весьма продуктивен в нашем конкретном случае и концепт «социального иммунитета», предложенный Еленой Осокиной для анализа особенностей взаимодействия социума и власти в СССР в эпоху сталинизма¹¹. Здесь более всего привлекла перспектива трактовать поведенческие практики и формы исследовательского самовыражения Л.Г. Зингера в 30-х — 40-х гг. не в категориях подчинения или сопротивления, но «сопротивляемости». Последняя понимается Е. Осокиной как способность адаптироваться к давлению тоталитарного сталинского режима.

Источниковую базу данного исследования составили: краткое личное общение с дочерью Л.Г. Зингера перед ее эмиграцией в США в 1987 г.¹², отложившиеся в архиве Еврейской историко-этнографической комиссии в Москве ее краткие воспоминания об отце, а также выявленные за последние четверть века в московских архивах документы, которые позволяют относительно предметно остановиться на основных этапах социализации Л.Г. Зингера как исследователя социально-экономической модернизации советского еврейства в межвоенный период.

Экономист ленинского призыва

Судьба Л.Г. Зингера в детстве, юности и молодости достаточно типична для ровесника XX века, способного выходца из небогатой традиционной еврейской семьи в Черте постоянной еврейской оседлости. Лейб Зингер родился 19 октября 1899 г. в уездном городке Ромны Полтавской губернии на крайнем северо-востоке Черты (современная Полтавская область Украины). В конце XIX — начале XX вв. евреи составляли в Ромнах около трети всего населения, насчитывавшего по Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. 22,5 тыс. жителей. Его мать умерла, когда Лейбу было два года, оставив мужа — меламеда и кантора с шестью детьми. Традиционное еврейское образование Лейб получил в хедере отца. Самостоятельно выучил русский язык и освоил общеобразовательные предметы. Это позволило ему экстерном сдать вступительные экзамены сразу в 5 класс частной гимназии в Харькове. Во время обучения в гимназии Лейб Зингер жил в Харькове — городе за пределами Черты оседлости нелегально. Лейб самостоятельно зарабатывал себе на жизнь и образование, давая частные уроки. Гимназию он успешно окончил в революционном 1917 г.¹³

Не позднее середины 1919 г. как и десятки тысяч его еврейских сверстников Зингер вступает в ряды Красной Армии — единственной вооруженной силы в Гражданской войне, реально гарантировавшей физическое выживание еврейского меньшинства. Зингер быстро становится красным командиром-управленцем. В 1921 г. он уже был зам. начальника дивизии по продовольственному снабжению. В 1922 г. по направлению из Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) Зингер поступает в 1-й Московский государственный университет на Экономическое отделение Факультета общественных наук (ФОНа)¹⁴.

ФОН был создан в ходе большевистской реформы высшего образования, после упразднения в Московском университете в 1919 г. юридического и историко-филологического факультетов. Перед ФОНом была тогда поставлена задача «на некоторой общей научной марксистской базе (экономической, исторической и философской) дать учащемуся и некоторую специализацию»¹⁵. Именно здесь, впервые в советской России стали готовить марксистски подкованных специалистов для нарождавшегося большевистского государственного аппарата. После «чистки» профессорско-преподавательского состава МГУ в 1921 г. господствующее положение на ФОНе заняли профессор-марксисты В.П. Волгин, М.Н. Покровский и М.А. Рейснер. Экономическим отделением стал руководить Я.Ф. Генин. На ФОНе с 1921 г. функционировало три отделения: Историческое, Юридическое и Экономическое. В 1923 г. появилось также Статистическое отделение. Все студенты ФОНа независимо от отделения, на котором

они обучались в течение трех лет, на первом и втором курсах должны были освоить цикл общегуманитарных предметов с целью получения прежде всего основ социологического образования.

Среди курсов, которые демобилизовавшийся в 1923 г. красный командир Лев Зингер посещал, как и все студенты ФОНа, по собственному желанию, были следующие: История социализма в России, История империализма, Исторический материализм, История ВКП(б), Политическая экономия, Государственное устройство, Мировое хозяйство, Экономическая география, Научная организация труда, Наука о финансах, Хозяйственная статистика, Английский язык и т.д.¹⁶ В тяжелых социо-экономических условиях пореволюционной Москвы Зингер не только учился, но и создал семью со студенткой того же ФОНа 1-го МГУ Клавдией Ефимовой.

В 1924 г. после успешного окончания Экономического отделения ФОНа 1-го МГУ Лев Зингер был принят на работу во Внешторгбанк на должность статистика-экономиста. Здесь он проявил явную склонность к исследовательской работе. В 1926–1927 гг. в ведомственном журнале «Кредит и хозяйство» с завидной частотой публикуются его аналитические обзоры экономики Германии: «Германские акционерные банки», «Рейхсбанк и политика экспансии», «Денежные реформы в западноевропейских странах», «Экономическое положение Германии в первом полугодии» и т.д.

Как тогда, так, что крайне важно, и впоследствии Л.Г. Зингер оставался беспартийным. Однако успешная карьера красного командира в годы Гражданской войны, учеба на ФОНе в 1-м МГУ, оседание в Москве и вступление в этнически смешанный брак, получение престижной работы во Внешторгбанке могут быть типичным примером успешной интеграции выходца из бывшей Черты еврейской оседлости в нарождающуюся интернационалистскую советскую управленческую элиту. Тогда в 20-е гг. таким путем пошли тысячи молодых советских евреев.

Однако в конце 1926 г. Лев Зингер делает весьма нетривиальный выбор. Он принимает участие в конкурсе на открывшуюся вакансию — полставки секретаря Экономической комиссии при ЦК Всероссийского Общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев (далее ЦК Всероссийского ОРТа). В нашем распоряжении нет источников, которые бы позволили дать сколь-нибудь обоснованную версию о причинах столь крутого поворота в судьбе новоиспеченного советского экономиста. Впрочем, его дочь указывала, что именно в 20-е гг. в Палестину переселились некоторые родственники и друзья Льва Зингера. Он остался. По версии дочери, из-за женитьбы на русской девушке, а также желания заниматься исследовательской работой¹⁷. Но тогда было бы более логичным продолжение карьеры в том же Внешторгбанке. Однако Зингер поступает иначе.

Почему ОРТ?

Еще в конце XIX — начале XX вв. в рамках стремления к «само-нормализации» еврейские филантропические и общественные организации — Еврейское колонизационное общество (ЕКО), а вслед за ним Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев России (ОРТ), Общество охранения здоровья еврейского населения (ОЗЕ), Еврейский комитет помощи жертвам войны (ЕКОПО), Еврейское статистическое общество развернули весьма активное социально-экономическое и демографическое изучение еврейского населения России. В годы Первой Мировой и Гражданской войн значительное внимание уделялось прежде всего статистическому изучению числа жертв войны и последствий еврейских погромов.

В 1919–1920 гг. данная проблематика привлекла внимание и советских властей. Так, в 1919 г. была предпринята попытка создания статистического отдела (статотдела) в Еврейском комиссариате (Евкоме) Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР (Наркомнаца). Но из-за отсутствия финансовых средств практическая деятельность статотдела Евкома была весьма ограниченной. В 1920–1922 гг. сходная попытка была предпринята уже в рамках Еврейского общественного комитета помощи жертвам войны и погромов (Евобщесткома). Однако, также из-за нехватки финансов, подавляющее большинство планов центрального статистического отдела при Президиуме Евобщесткома по социально-экономическому изучению еврейского населения оказались нереализованными. Вероятно, основную негативную роль сыграл конфликт между Евкомом и независимыми еврейскими общественными организациями (ЕКО, ЕКОПО, ОРТом, ОЗЕ), вышедшими в феврале 1921 г. из числа соучредителей Евобщесткома.

В отличие от других независимых еврейских общественных организаций, в ОРТе сохранилась во многом уникальная еще с дореволюционного периода децентрализованная структура управления. В Москве в марте 1921 г. Еврейский отдел (Евотдел) Наркомнаца инициировал серьезные изменения в персональном составе вновь избранного ЦК Всероссийского ОРТа, назначив в его руководство членов Евсекции РКП(б), в частности Ю.В. Гольде. Но региональные комитеты ОРТа в Петрограде, Киеве, Одессе, Минске и после этого сохранили организационную и финансовую самостоятельность. В свою очередь, в августе 1921 г. в Берлине был создан Всемирный союз обществ ремесленного и земледельческого труда среди евреев (Всемирный союз ОРТ) как международная еврейская благотворительная и просветительская организация. Всероссийский ОРТ формально не вошел в состав Всемирного союза ОРТ, но генеральный секретарь ЦК Всероссийского ОРТа Я.С. Цегельницкий стал членом Центрального Правления (далее ЦП)

Всемирного союза ОРТа. С 1923 г. Я.С. Цегельницкий, оставаясь в составе ЦК Всероссийского ОРТа, занял пост главуполномоченного ЦП Всемирного союза ОРТ в Москве. Иными совами, Я.С. Цегельницкий, в прошлом член Бунда и в дореволюционные годы один из руководителей петроградского ОРТа, в первой половине 20-х гг. оказался одной из тех компромиссных фигур, которые играли важную роль в диалоге зарубежных еврейских благотворительных организаций и советских властей. Данная проблематика требует дальнейшего изучения, но предварительное впечатление, что благодаря прежде всего Я.С. Цегельницкому именно площадка ОРТа оказалась к середине 20-х гг. наиболее оптимальной для инициирования социально-экономических исследований еврейского населения СССР¹⁸.

В мае 1923 г. ЦК Всероссийского ОРТа провел совещание «по еврейскому переселенческому делу», на котором присутствовали представители ЦП Всемирного союза ОРТ, Джойнта, Одесского ОРТа, Евотдела Наркомнаца, Евобщесткома. Тогда было предложено создать объединенную комиссию с участием ОРТа, Джойнта, ЕКО и Евобщесткома, а «план действий, выработанный этой объединенной комиссией, проводится в жизнь аппаратом ОРТа»¹⁹. Кстати, незадолго до этого совещания весной 1923 г. Всероссийским ОРТом было проведено сплошное обследование еврейских земледельческих поселений²⁰.

В течение второй половины 1923–1924 гг. на фоне заметного обострения экономического кризиса в СССР велось интенсивное и многостороннее обсуждение возможностей массовой еврейской сельскохозяйственной колонизации в рамках реализации планов по «продуктивизации» советских евреев²¹. Именно в таком контексте следует рассматривать проект договора, подписанный 31 января 1924 г. председателем ЦК Всероссийского ОРТа Ю.В. Гольде и уполномоченным ЦП Всемирного союза ОРТ в Москве Я.С. Цегельницким.

В июле-августе 1924 г. Джойнт и советские власти предприняли практически параллельно ряд важных организационных шагов, которые могут свидетельствовать о нахождении обеими сторонами взаимовыгодного компромисса по практическому воплощению широких планов «продуктивизации» советских евреев. 21 июля исполком Джойнта учредил дочернюю корпорацию «Агро-Джойнт» с целью способствовать широкой еврейской земледельческой колонизации в СССР. 25 июля Президиум ЦИК Белорусской ССР образовал республиканскую Комиссию по землеустройству трудящихся евреев. 29 июля Всеукраинский ЦИК предложил Наркомзему УССР выделить земельные фонды с целью «поощрять ... еврейское бедняцкое население» к занятию земледельческим трудом. 24 августа Президиум ЦИК СССР постановил образовать при президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР государственный Комитет по земельному устройству трудящихся евреев (КОМЗЕТ). 29 ноября 1924 г. «Агро-

Джойнт» и КОМЗЕТ заключили договор, заложивший правовые, организационные и финансовые основы массовой еврейской сельскохозяйственной колонизации в СССР.

Менее чем через месяц в ЦСУ СССР прошло первое совещание по обследованию «положения еврейских масс в городах и местечках Союза». Однако после проведения пяти подобного рода встреч в сентябре 1925 г. из-за отсутствия финансовых средств и активизации подготовки в ЦСУ СССР к Всесоюзной переписи населения 1926 г., созданная при ЦСУ СССР «Комиссия по изучению положения еврейских масс в городах и местечках Союза» прекратила свое существование²². Но уже 9 октября 1925 г. был подписан договор о сотрудничестве между КОМЗЕТОМ и ЦП Всемирного союза ОРТ, практическая реализация которого началась в марте 1926 г. Этому предшествовала весьма примечательная реорганизация в феврале 1926 г. ЦК Всероссийского ОРТа. В его новый состав вошли в том числе такие знаковые фигуры из числа независимых еврейских общественных деятелей как Л. Иоффе и Я.С. Цегельницкий (Всемирный союз ОРТ), Е.С. Гроер («Агро-Джойнт»), М.М. Гран (ОЗЕ), Л.Е. Мотылев и М.А. Модель (ЕВОПО)²³.

20 февраля 1926 г. на первом же заседании нового ЦК Всероссийского ОРТа была утверждена программа деятельности ОРТа, среди основных направлений реализации которой были названы: «разработка вопросов расселения, а также соби́рание и разработка ... материалов, касающихся экономического положения и нужд еврейских масс в СССР»²⁴. Тогда же была образована Экономическая комиссия при ЦК Всероссийского ОРТа во главе с председателем З.Л. Миндлиным (1882–1958) и его заместителем Е.С. Лурье (1887–1954).

Уроженец Витебска, юрист и экономист, Евгений Соломонович Лурье — выпускник Политехнического института им. императора Петра Великого в Санкт-Петербурге еще в дореволюционный период был активистом ОРТа, после 1921 г. он стал членом ЦК Всероссийского ОРТа, во второй половине 20-х гг. был высокопоставленным сотрудником Внешторгбанка и Госбанка СССР²⁵. Захар Львович Миндлин тогда, в 1926 г., — видный советский экономист, один из руководителей Госплана СССР. В 1922–1924 гг. он занимал пост зампреда Совнаркома Казахской АССР и председателя республиканского Госплана.

Залкинд Миндлин родился в Шклове, Могилевской губернии. Учился в хедере. В 1906 г. в возрасте 24 лет экстерном сдал экзамены за весь гимназический курс обучения, а в 1912 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Во время Первой Мировой войны активно участвовал в деятельности архивно-статистической комиссии ЕВОПО, занимаясь сбором и анализом статистических материалов о евреях — жертвах депортаций и

военных действий. Тогда он был членом Бунда, а в 1920 г. вступил в РКП(б). С 1919 г. З.Л. Миндлин — ответственный сотрудник Евкома Наркомнаца (зам. комиссара Евкома) — глава статистико-экономического отдела, а в 1920 г. — зам. зав. Евотдела Наркомнаца. Параллельно З.Л. Миндлин был членом президиума Евобщесткома и возглавлял его центральный статистический отдел. Именно в этом качестве он был составителем и автором вступительной статьи к сборнику «Материалы об еврейских погромах. Погромы в Белоруссии. Погромы, учиненные белополяками», опубликованного в 1922 г. Таким образом, З.Л. Миндлин к середине 20-х гг. был не только опытным и влиятельным советским управленцем²⁶, но до 1922 г. целенаправленно занимался проблематикой социального изучения еврейского населения. После возвращения в Москву в январе 1925 г. З.Л. Миндлин был введен в президиум организованного в декабре 1924 г. Всесоюзного общества по земельному устройству трудящихся евреев в СССР (ОЗЕТа), созданного для общественного содействия КОМЗЕТу.

19 апреля 1926 г. состоялось первое заседание Экономической комиссии при ЦК Всероссийского ОРТа, на котором ее председатель З.Л. Миндлин явно указал на весьма широкие амбиции новосозданной структуры: «Экономическая комиссия должна проявить инициативу в деле объединения работы с другими организациями в деле концентрации материалов»²⁷. Еще более определенно на этот счет высказался его заместитель Е.С. Лурье: «Экономическую комиссию нельзя трактовать как служебную комиссию ОРТа...». Он предложил: «Организовать комиссию на началах самого близкого участия в ней всех еврейских общественных организаций ... Привлечь заинтересованные организации к участию с [финансовыми] средствами»²⁸. Его поддержал председатель ЦК Всероссийского ОРТа Ю.В. Гольде: «В этой работе, вероятно, придут на помощь Евсекция и Евотдел [Наркомнаца]. Заграничные еврейские организации также должны участвовать в этой работе. В частности, Джойнт потратил большие суммы на издание объемного труда по статистике евреев в Польше»²⁹. Вероятно, по вопросу финансирования деятельности Экономической комиссии со стороны Джойнта, ЕКО и Всемирного союза ОРТ на том заседании была достигнута некая предварительная договоренность, поскольку в состав рабочего бюро комиссии вошли, например, Е.С. Гроер («Агро-Джойнт»), М.А. Модель (ЕВОПО), П.М. Клиничин³⁰ (ЕКО) и Я.С. Цегельницкий (Всемирный союз ОРТ). В состав рабочего бюро Экономической комиссии тогда же был включен Лев Ефимович Минц (1893–1979) — в будущем один из крупнейших советских экономистов, тогда зав.отделом статистики труда Наркомтруда СССР.

На заседании рабочего бюро 27 мая 1926 г. был поставлен вопрос «Об организации аппарата Экономической комиссии». После его обсуждения было решено: «пригласить специальное лицо в качестве се-

кретаря Экономической комиссии. Поручить гг. Минцу, Миндлину, Цегельницкому переговоры с намеченными кандидатами»³¹. Однако только через полгода, 18 ноября 1926 г. Президиум ЦК Всероссийского ОРТа поддержал выделение финансовых средств на организационные нужды Экономической комиссии и на втором заседании рабочего бюро 21 ноября было решено «Ввиду ассигнования средств на оплату секретаря, пригласить в качестве постоянного работника секретаря с оплатой примерно 100 рублей в месяц. Выдвинутые кандидаты должны вести переговоры с т. Миндлиным и быть взяты на испытательный срок. Возложить на секретаря работу в первую очередь по концентрации материалов экономического положения евреев»³².

Как представляется, задержка в вопросе о секретаре Экономической комиссии могла быть вызвана как минимум двумя причинами. Во-первых, сказалась проблема отсутствия в Москве на тот момент компетентных и ценностно мотивированных кандидатов, готовых из евреев-экономистов переквалифицироваться в «еврейские экономисты». Т.е. посвятить себя делу изучения социально-экономических проблем советского еврейства. Во-вторых, все члены Экономической комиссии, за исключением ее секретаря, сотрудничали с ОРТом на общественных началах. Впрочем, и зарплата секретаря Экономической комиссии из-за хронических сложностей с финансированием оставалась и в дальнейшем более чем скромной. Надежды на участие ЕКО в финансировании деятельности Экономической комиссии окончательно рассеялись к июню 1927 г. В сентябре 1927 г. также закончилась неудачей попытка получить государственное финансирование со стороны КОМЗЕТА. Как результат, до марта 1928 г. общий бюджет Объединенной статистико-экономической комиссии не превышал 2 тыс. рублей. Большую часть средств тогда обеспечивал «Агро-Джойнт» и меньшую ЦП Всемирного союза ОРТ³³. С апреля 1928 г. бюджет комиссии все же возрос до 7350 рублей. Эти столь же скромные финансовые средства предоставлялись на паритетных началах «Агро-Джойнтом» и ЦП Всемирного союза ОРТ³⁴.

В Объединенной статистико-экономической комиссии ОРТа

30 ноября 1926 г. президиум ЦК Всероссийского ОРТа постановил пригласить Л.Г. Зингера на должность секретаря Экономической комиссии и «... просить уполномоченного ЦП [Всемирного союза] ОРТ тов. Я.С. Цегельницкого ассигновать на его зарплату 100 рублей на первый месяц»³⁵. Для экономиста Внешторгбанка Льва Зингера переход на неполную занятость (3 часа в день), т.е., по сути, на полставки, означал, как минимум, двукратную потерю в зарплате³⁶. Впрочем, с

точки зрения молодого специалиста, стремившегося к научно-исследовательской деятельности по интересовавшей его проблематике, заработная плата в 100 рублей при неполной занятости могла в конце 1926 г. выглядеть вполне достойной. Тогда научные сотрудники в СССР были квалифицированы по трем категориям, и их средняя зарплата колебалась в пределах от 85 до 150 рублей в месяц на полную ставку³⁷.

Итогом испытательного срока Льва Зингера на должности секретаря Экономической комиссии стало его сообщение на заседании рабочего бюро 29 декабря 1926 г. об имевшихся в московских структурах ОРТа, ЕКО, ЕВОПО, Джойнта, а также в ЦСУ СССР, Центральном бюро Евсекций ВКП(б) и редакции газеты «Der Emes» материалах социально-экономического и демографического характера о евреях. На том же заседании Л.Е. Минцу и Л.Г. Зингеру было поручено разработать анкету для проведения обследования горских евреев.

В январе 1927 г. на первом расширенном заседании Экономической комиссии присутствовало до 30 человек. С докладом «Положение еврейского земледелия в СССР и его перспективы» выступил зам. директора «Агро-Джойнта» С.Е. Любарский. Был также рассмотрен вопрос о распределении тематики исследований среди членов комиссии. Так, П.М. Кличин вызвался быть ответственным по проблематике «Демография и эмиграция еврейского населения», а Е.С. Лурье и Л.Г. Зингер взяли на себя вопросы изучения «Кустарной промышленности и ссудно-сберегательных товариществ». Впрочем, Лев Зингер уже на следующем заседании 23 февраля 1927 г. сделал сообщение об имевшихся исследованиях по демографии евреев, что указывает на его заинтересованность в продолжении своих собственных демографических штудий. Тогда же Е.С. Лурье и Л.Г. Зингеру было предложено разработать проект анкеты обследования евреев-кустарей. Это обследование предполагалось провести не только в РСФСР, но и в Украинской и Белорусской ССР. Параллельно велась работа по подготовке комплексного обследования экономического положения украинских местечек Шпола и Летичев. На заседании рабочего бюро 6 апреля 1927 г. были, в частности, обсуждены возможности издания работ Экономической комиссии о «движении еврейского населения СССР», в том числе как результат углубленной разработки данных городской переписи населения СССР 1923 г., Всесоюзной переписи населения 1926 г., а также ряда профессиональных переписей, проводившихся в тот период ЦСУ СССР. В определяющей степени непосредственная работа в этом направлении легла на плечи самого Л.Г. Зингера.

10 мая 1927 г. Л.Г. Зингер впервые выступил на расширенном заседании (позднее такие заседания именовались пленумами) Экономической комиссии с докладом «Движение еврейского населения СССР», в котором подвел первые итоги своей научно-исследовательской работы

по «еврейской демографии». Переработанный и расширенный вариант этого доклада лег в основу его вступительной статьи к опубликованному в конце 1927 г. первому выпуску «Материалов и исследований Объединенной статистико-экономической комиссии ОРТа «Еврейское население СССР». В последующих выпусках «Материалов и исследований» комиссии увидели свет и другие доклады, поставленные на расширенных заседаниях комиссии в период до 1930 г.: «Кустарная промышленность среди евреев» Е.С. Лурье; «Безработица среди еврейского населения» Л.Е. Минца; «Численность и расселение еврейского населения СССР» Л.Г. Зингера; «Социальный состав еврейского населения СССР» З.Л. Миндлина; «Перспективы использования трудовых ресурсов еврейского населения» Л.Е. Минца; «Основные показатели пятилетнего плана реконструкции социального состава еврейского населения СССР» З.Л. Миндлина³⁸. На этих расширенных заседаниях Объединенной статистико-экономической комиссии присутствовало до 40 участников, многие из которых принимали деятельное участие в обсуждении представленных докладов³⁹.

К середине 1927 г. Зингер в качестве секретаря комиссии наладил контакты с целым рядом лиц, чье сотрудничество с комиссией было весьма перспективным как с организационной, так и с научно-исследовательской точек зрения. В том числе: с Ю. Лариным, А.Г. Брагиным, С.А. Палатником, М.Б. Друяновым, С.О. Марголиным, Х.И. Брауде в Москве, В.И. Бинштоком и С.М. Гинзбургом в Ленинграде, М.Р. Ходосом в Киеве. К концу 1927 г. экономисты Х.И. Брауде, С.О. Марголин и статистик М.Р. Ходос были кооптированы в состав рабочего бюро комиссии.

Во второй половине 1927 г. Л.Г. Зингер вступил в переписку с ЦСУ СССР и Комиссией по изучению пленного состава населения СССР и сопредельных стран АН СССР (КИПС) с целью добиться возможности более детальной разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1926 г. о евреях. Тогда же в ходе подготовки к проведению специальных обследований евреев-кустарей и еврейских местечек Украины и Белоруссии ему удалось наладить сотрудничество с Еврейским отделением Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗа).

Параллельно Зингер пишет весьма обстоятельный обзор «Численность и распределение еврейского населения по всему земному шару», в котором на основе анализа публикаций в «American Jewish Year Book», а также работ старшего коллеги — эмигранта Якова Лещинского, дал оценку общей численности и расселения евреев в мире на 1920 г. Обращает на себя внимание не только сама проблематика и источниковая база данной работы, перекликающаяся мировоззренчески и методологически с текстами его зарубежных коллег, но и то, что в 1928 г. Зингер опубликовал этот обзор в издании «буржуазного»

Еврейского историко-этнографического общества в Ленинграде «Вопросы биологии и патологии евреев»⁴⁰. На мой взгляд, данный факт достаточно определенно свидетельствует о его ценностных ориентациях в период работы в ОРТе.

На протяжении конца 1926 — начала 1928 гг. Зингер и его семья, включая и малолетнюю дочь, были вынуждены довольствоваться его скромными 100 рублями зарплаты на полставки секретаря статистико-экономической комиссии. Лишь в марте 1928 г. Президиум правления Всероссийского ОРТа постановил: «Утвердить жалование секретаря Экономической комиссии тов. Зингеру Л.Г. в размере 200 руб. в месяц, из коих 150 рублей покрывается из специальных средств Стат.-эконом. комиссии и 50 рублей из средств Правления Всероссийского ОРТа, с тем чтобы тов. Зингер, наряду с работой в Эконом. комиссии, выполнял также обязанности по секретариату Правления»⁴¹. Иными словами, получив, наконец, в ОРТе полную ставку, Л.Г. Зингер был вынужден также заниматься чисто бюрократической работой как секретарь Правления Всероссийского ОРТа.

С апреля 1928 г. Объединенная статистико-экономическая комиссия получила финансовые возможности выпускать собственное периодическое издание «Статистические материалы по еврейской демографии и экономике», на протяжении 1928–1930 гг., выходившего, как правило, ежеквартально. В этом издании Зингеру и его коллегам удалось опубликовать наиболее полные данные о еврейском населении СССР по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г., а также данные ведомственной статистики ЦСУ СССР, ОРТа и КОМЗЕТа. Отдельно следует выделить опубликованные там же результаты проведенных в 1928 г. специальных анкетных обследований 10 тыс. жителей еврейских местечек Шпола и Летичев (Украинская ССР), Озаричи и Узда (Белорусская ССР), а также экспедиционных обследований около 3 тыс. евреев-кустарей, занятых в кожевенно-обувном производстве в Харькове, Киеве, Бердичеве, Романове (Украинская ССР) и ряде населенных пунктов Белорусской ССР⁴².

В июне 1928 г. планы работы Объединенной статистико-экономической комиссии были несколько скорректированы. З.М. Миндлин и М.Р. Ходос сконцентрировались на изучении общих тенденций изменений социального состава еврейского населения СССР. Е.С. Лурье и Я.С. Цегельницкий взяли на себя анализ проблем кооперирования среди советских евреев, а Я.С. Цегельницкий также и вопроса вовлечения евреев в сельское хозяйство, М.А. Моделю было предложено взяться за изучение последствий отхода от НЭПа для перспектив торговой деятельности евреев. Л.Е. Минц исследовал кризис экономики местечка. Что же касается Л.Г. Зингера, то он совместно с Х.И. Брауде обратился к проблематике изучения «еврейской эмиграции», а вместе с С.О. Марголиным обязался исследовать особенности участия евре-

ев-кустарей в обувной промышленности. Параллельно было решено активизировать работу по обработке, анализу и публикации данных Всесоюзной переписи населения 1926 г., получаемых из ЦСУ СССР. В 1928–1930 гг. материалы этой переписи о евреях публиковались не только в «Статистических материалах» комиссии, но и в отдельных ее изданиях.

На протяжении 1930 г. в деятельности Объединенной статистико-экономической комиссии постепенно нарастали кризисные явления. Это было связано как с общим ухудшением ситуации во Всероссийском ОРТе (после принятия в 1929 г. нового устава переименованного во Всесоюзный ОРТ), так и со сложностями в деятельности самой комиссии. Что касается общей ситуации, то в 1930 г. заметно возросло давление властей, взявших тогда курс на общее ужесточение контроля над общественными организациями, в том числе и над еврейскими, такими как Всесоюзный ОРТ. К тому же Всесоюзный ОРТ, как и Всемирный союз ОРТ, были нацелены прежде всего на поддержку еврейского кустарного производства, а также совместно с «Агро-Джойнтом» уделяли внимание преимущественно еврейским земельным колониям в Крыму и на юге Украины. Но в СССР был взят курс на индустриализацию, а основной упор в еврейской сельско-хозяйственной колонизации был явно перенесен на Дальний Восток, в Биробиджанский еврейский национальный район. 14 июня 1930 г. КОМЗЕТ принял решение по прекращению с 1931 г. бюджетного финансирования и финансирования «по линии «Агро-Джойнта» земельного устройства «трудящихся-евреев в Белорусской и Украинской ССР, включая работы на фондах республиканского значения». В свою очередь, «Агро-Джойнт» и Всемирный союз ОРТ мягко говоря настороженно отнеслись к «Биробиджанскому проекту». К тому же вследствие усиления экономического кризиса на Западе заметные проблемы возникли в наполнении бюджетов Всемирного союза ОРТ и «Агро-Джойнта». Соответственно, финансирование комиссии находилось под постоянной и возрастающей угрозой сокращения. Тем не менее, комиссия функционировала до конца 1930 г., когда Всесоюзный ОРТ решением советских властей был формально слит с ОЗЕТОМ⁴³.

Что же касается проблем в самой комиссии, то, с одной стороны, в ходе разработки пятилетнего плана реконструкции социального состава еврейского населения СССР и по ряду других проектов обострился конфликт интересов с Экономической комиссией при Всеукраинском ОРТе и Статистической комиссией при Белорусском ОРТе⁴⁴. Кстати, на Экономическом совещании во Всесоюзном ОРТе (не позднее сентября — октября 1930 г.) Л.Г. Зингер наиболее категорично ратовал за концентрацию разработки всех материалов именно в Москве⁴⁵. С основным докладом на том совещании выступил председатель Объединенной статистико-экономической комиссии

З.Л. Миндлин. Среди прочего, он отверг претензии участников дискуссии из Харькова, Киева и Минска, обвинивших своих московских коллег в «излишнем академизме» и предложил развернутый план расширения деятельности Объединенной статистико-экономической комиссии, прежде всего за счет «более тесного взаимодействия с КОМЗЕТОМ».

Но вскоре З.Л. Миндлин, тогда член Президиума народно-хозяйственного планирования Госплана СССР, пал жертвой развернувшейся в 1930 г. партчистки в органах государственного планирования и статистики. Как «бывший бундовец» он был исключен из ВКП(б). Впрочем, уже через несколько месяцев его восстановили в партии⁴⁶. В 1931–1937 гг. З.Л. Миндлин входил в состав коллегии Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) при Госплане СССР и возглавлял там сектор учета транспорта и связи. Но какой-либо активности в изучении еврейского населения СССР после 1935 г. он не проявлял. В апреле 1937 г. он был уволен из ЦУНХУ, что спасло его от жесточайших репрессий, обрушившихся на руководителей ЦУНХУ после признания «дефектной» Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. С конца 1937 г. З.Л. Миндлин возглавлял сводный сектор Статистического управления г. Москвы, где проработал на разных должностях вплоть до 1955 г., когда вышел на пенсию с должности старшего экономиста. Умер в Москве в 1958 г.

Заместитель председателя Объединенной статистико-экономической комиссии Е.С. Лурье был арестован 16 декабря 1930 г., вероятно, по одному из дочерних дел «Промпартии». Он занимал до начала партчистки должность зам. начальника планово-экономического отдела Госплана СССР. Е.С. Лурье получил относительно мягкий приговор — 5 лет лагерей и был освобожден в июле 1934 г. В дальнейшем работал в финансовых органах на стройках НКВД. После 1945 г. в Наркомате угля и Министерстве угольной промышленности. Умер в Москве в 1954 г.⁴⁷

Более трагично и захватывающе сложилась судьба в конце 1930 г. зав. отделом статистики труда Наркомата труда СССР, члена Статплана СССР и одного из наиболее продуктивных членов комиссии Л.Е. Минца. По одному из дочерних дел «Промпартии» он получил 10 лет лагерей. Вышел из заключения перед войной, но в 1949 г. вновь был арестован и находился в заключении до 1955 г. В 1959–1962 гг. Л.Е. Минц возглавлял лабораторию экономико-математических методов Совета по изучению производительных сил АН СССР, а с 1963 г. и до последних дней жизни работал зав. лабораторией и старшим научным сотрудником в ЦЭМИ АН СССР. В 1966 г. защитил докторскую диссертацию, а в 1968 г. был удостоен Государственной премии СССР в области экономики⁴⁸. О своем участии в деятельности Экономической комиссии ОРТа и о своих исследованиях 20-х гг. еврейского

населения СССР один из крупнейших советских экономистов после освобождения из заключения предпочитал в печати не упоминать. Умер в Москве в 1979 г.

В конце 1930 г. скромный секретарь Правления Всесоюзного ОРТа и секретарь его Объединенной статистико-экономической комиссии Л.Г. Зингер каким-либо репрессиям не подвергся и до начала 1931 г. продолжал получать зарплату в московском офисе Всемирного союза ОРТ, когда он перешел на работу в КОМЗЕТ.

Под крылом слабевшего Диманштейна

В декабре 1930 г. параллельно с решением о формальном слиянии Всесоюзного ОРТа с ОЗЕТом ЦК ВКП(б) утвердил создание специальной комиссии по КОМЗЕТу. 1 февраля 1931 г. было принято соответствующее постановление ЦК ВКП(б), которое предписывало, среди прочего, «укрепить кадры КОМЗЕТа»⁴⁹. Ранее, 18 декабря 1930 г. в структуре КОМЗЕТа был образован статистико-плановый отдел (Статплан). Как представляется, основной причиной создания Статплана было стремление КОМЗЕТа продолжать разработку II варианта пятилетнего плана реконструкции социального состава еврейского населения СССР, утвержденного на заседании КОМЗЕТа 30 ноября 1930 г., но с рядом важных дополнений и изменений⁵⁰.

Выявленные источники не позволяют с определенностью установить, кто конкретно из руководства КОМЗЕТа мог лоббировать создание Статплана. Вероятнее всего, это был зам. секретаря Совета Национальностей ЦИК Союза ССР и председатель Центрального совета (ЦС) ОЗЕТа, член Президиума КОМЗЕТа С.М. Диманштейн. Такое предположение основывается на анализе последующей профессиональной карьеры Л.Г. Зингера, занявшего должность заведующего Статпланом КОМЗЕТа. На протяжении 1932–1937 гг. он на различных должностях и в разных структурах работал под непосредственным руководством С.М. Диманштейна. Этот первый нарком Евкома, член коллегии Наркомнаца, первый председатель ЦБ Евсекций РКП(б) в 20-х гг. занимал различные должности в партийно-государственном руководстве страны, в том числе с 1921 г. и до февраля 1930 г. был полпредом РСФСР в Бухарской Народной Советской республике, зам. зав. Агитпропа ЦК ВКП(б), зав. сектором нацменьшинств ЦК ВКП(б). Но в феврале 1930 г. Диманштейн был переведен из ЦК в ЦИК Союза ССР, что несомненно свидетельствовало о заметном снижении его статуса в большевистской номенклатуре.

Статплан КОМЗЕТа просуществовал немногим более года, до февраля 1932 г. Сотрудники Статплана Б.С. Энгель, И.А. Берлин и Ф.М. Шофман под руководством Зингера в этот короткий период

завершили разработку и публикацию сведений о евреях по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., сельско-хозяйственной переписи Крымской АССР конца 1929 г. и выборочной переписи рабочих, проведенной Госпланом СССР в 1930 г. Кроме того, были обработаны статистические сведения КОМЗЕТа о еврейских переселенческих фондах на территории юга Украинской ССР, Крымской АССР и Биробиджанского еврейского национального района в 1930 г., а также о еврейских переселенческих поселках Крыма на январь 1931 г.⁵¹ Сам же Л.Г. Зингер завершил тогда свою первую монографию «Еврейское население в Советском Союзе. Статистико-экономический обзор», вышедшую в престижном Соцэргизе в начале 1932 г.

В предисловии Зингер подчеркивал: «Автору хорошо известно, что работа, являющаяся в сущности первой попыткой подведения итогов социально-экономического обновления еврейских масс в Советской стране, не может быть свободна от недочетов и пробелов, на которые он надеется получить указания от беспристрастных критиков»⁵². Зингер определенно отдавал себе отчет в потенциальной опасности нападок на его монографию и на него лично со стороны коллег из Киева и Минска. Полемика с ними началась еще в конце 1930 г. в Москве на совещании в ОРТе о задачах изучения социально-экономических проблем еврейского населения СССР. Уже тогда Я. Кантор из Экономической комиссии при Всеукраинском ОРТе и Г. Александров из Социально-экономической комиссии Еврейского сектора АН Белорусской ССР и Статистической комиссии при Белорусском ОРТе вступили в полемику с З.Л. Миндлиным и Л.Г. Зингером по поводу роли Москвы как координирующего центра статистико-экономических исследований советского еврейства⁵³. Соперничество между Москвой, Киевом и Минском в данной сфере еще более обострилось на Всесоюзной научной конференции по проблемам еврейских социоэкономических исследований в Институте еврейской пролетарской культуры (ИЕПК) в Киеве в апреле 1931 г. Тогда основным оппонентом зав. Статплана КОМЗЕТа Л.Г. Зингера выступил зав. социально-экономической секцией ИЕПК АН Украинской ССР статистик И.И. Вейцблит⁵⁴. Не вдаваясь в предметный анализ полемики в 1930–1933 гг. по проблеме «количественных резервов «еврейской пятилетки», укажу на политико-идеологический ее аспект. Так, Зингер упрекал Вейцблита в стремлении к «ликвидации КОМЗЕТа, ОЗЕТа и т.д.»⁵⁵, а тот, в свою очередь, охарактеризовал монографию Зингера как «новый манифест ОРТа», выказывая возмущение тем, что эта «национал-демократическая работа» была опубликована в СССР⁵⁶. В свою очередь, Александров критиковал и того, и другого⁵⁷.

Трудно сказать насколько критика коллег стала причиной или, по крайней мере, поводом изменений в профессиональной карьере каждого из трех ведущих в начале 30-х гг. исследователей социально-

экономической проблематики еврейского населения СССР, включая и Зингера. Но все трое в конце 1931 — первой половине 1933 гг. явно не по своей воле были вынуждены сменить места работы. В конце 1931 г. И.И. Вейцблит уволился из ИЕПК, сосредоточившись на руководящей работе в УНХУ Украинской ССР, и отошел от исследований по демографии евреев⁵⁸. Весной 1933 г. после критики на пленуме ЦК КП(б) Белорусской ССР «за приверженность Бунду», при реорганизации Еврейского сектора АН Белорусской ССР в Институт еврейской пролетарской культуры (ИЕПК) Г. Александров был вынужден покинуть Минск и перебраться в Ленинград, где с 1934 г. он работал в должности ученого секретаря Ленинградского отделения Академии наук СССР и еврейской проблематикой в середине 30-х гг. также перестал заниматься⁵⁹. Что же касается Л.Г. Зингера, то он после упразднения Статплана в структуре КОМЗЕТа в феврале 1932 г. был принят на работу во Всесоюзную научную ассоциацию востоковедения (ВНАВ) в составе Коммунистической академии (Комакадемии) на должность старшего научного работника⁶⁰.

Аврахам Гринбаум верно подметил явный кризис социально-экономических исследований советского еврейства в Москве, Киеве и Минске после 1932 г.⁶¹ Впрочем, остается открытым вопрос о причинах столь неожиданного развития событий. В этой связи резонно обратить внимание на резко возросший именно тогда же в 1932 г. интерес центральных партийно-государственных структур к «Биробиджанскому проекту». Но в профессиональном сообществе, в том числе и среди исследователей, проект массового переселения евреев на Дальний Восток, судя по всему, особого энтузиазма не вызывал. Не в последнюю очередь в связи с тем, что за период с 1928 по 1934 гг. 71% переселенцев покинули этот регион⁶². Весьма показательны, что через три месяца после упразднения Статплана в КОМЗЕТе, в мае 1932 г. в резолюции по докладу председателя ЦС ОЗЕТа С.М. Диманштейна указывалось, что «проявляются еще правые утверждения, умаляющие значение наших достижений в деле реконструкции социального состава еврейского населения, а также «левацкие» утверждения об исчерпании контингентов для переселения» и акцентировалось внимание на разработке плана второй пятилетки «по линии КОМЗЕТа и ОЗЕТа ... совместно с КОМЗЕТом принять необходимые меры к организации изучения вопроса о контингентах, привлекая к этой работе Институт еврейской культуры Академии наук Украины и еврейский сектор Академии наук Белоруссии. Вместе же с ними поставить также вопрос о более углубленном теоретическом освещении вопросов, связанных с реконструкцией социального состава еврейского населения и его перегруппировки в новых районах»⁶³. В этой связи кажется парадоксальным, но как председатель ВНАВ Комакадемии тот же С.М. Диманштейн санкционировал публикацию своего нового стар-

шего научного работника Л.Г. Зингера о переселении евреев не в Биробиджан, а в Крым⁶⁴.

Комакадемия была создана еще на начальном этапе утверждения советской власти в июне 1918 г. под названием Социалистической академии общественных наук как большевистская альтернатива Российской Академии наук. С апреля 1919 г. стала называться просто Социалистической академией, а в 1924 г. — Коммунистической академией. В начале 1927 г. по инициативе подотдела (сектора) национальных меньшинств ЦК ВКП(б), который тогда возглавлял С.М. Диманштейн, в составе Комакадемии была организована под его председательством Комиссия по изучению национального вопроса. В конце 1929 г. тот же Диманштейн инициировал передачу в состав Комакадемии ВНАВ. Параллельно с 1930 г. Диманштейн возглавил Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока (НИИЭНКНВ) и был назначен главным редактором органа Совета Национальностей ЦИК Союза ССР — журнала «Революция и национальность».

В конце 1932 г. ВНАВ была передана из Комакадемии в ведение Ученого комитета ЦИК Союза ССР⁶⁵. Напомню, до конца 1931 г. Диманштейн занимал пост зам. секретаря Совета Национальностей ЦИК Союза ССР. Лишившись с 1932 г. партийных и государственных постов, за исключением членства в президиуме КОМЗЕТа, оставаясь председателем ЦС ОЗЕТа, Диманштейн явно стремился оставить за собой нишу ведущего советского эксперта по национальному вопросу. В ноябре 1933 г. он выступил с новой инициативой о слиянии возглавлявшихся им ВНАВ и НИИЭНКНВ в НИИ национальностей СССР при ЦИК Союза ССР. Положение о НИИ национальностей ЦИК Союза ССР было утверждено 17 марта 1934 г. Среди основных направлений деятельности НИИ национальностей в нем указывалась социалистическая реконструкция экономики, культуры и быта народов СССР⁶⁶. При этом подразумевалось уделять основное внимание именно национальностям, т.е. национальным меньшинствам в СССР, в том числе и евреям как одному из наиболее значительных по общей численности и социальной значимости для экономики, внутренней и внешней политики страны.

Неслучайно в структуре НИИ национальностей не позднее второй половины 1934 г. была создана Еврейская научная комиссия, которую возглавил сам директор института С.М. Диманштейн. Кстати, ее секретарем стал Л.Г. Зингер⁶⁷. Вероятнее всего, деятельность этой комиссии финансировалась из средств КОМЗЕТа и ОЗЕТа. Уже в 1935 г. под редакцией Диманштейна был издан на идише претенциозный сборник «Евреи в СССР». Как представляется, усиление активности Еврейской научной комиссии НИИ национальностей во второй половине 1935 г. явно не было случайным. Диманштейн несомненно знал о неудавшейся

к тому моменту попытке председателя исполкома Еврейской автономной области (ЕАО) И.И. Либберберга (до декабря 1934 г. — директора ИЕПК АН Украинской ССР) добиться перевода этой ведущей в первой половине 30-х гг. научно-исследовательской структуры советской иудаики в Биробиджан. И. Либберберг строил планы создать на основе киевского ИЕПК в Биробиджане НИИ Еврейской пролетарской культуры ЕАО. Но несмотря на поддержку председателя ВЦИК и ЦИК Союза ССР М.И. Калинина⁶⁸, в Биробиджане все ограничилось учреждением при облисполкоме ЕАО скромной Научной комиссии по изучению производительных сил и культуры ЕАО. В киевском ИЕПК в 1935 г. после перевода И. Либберберга в Биробиджан явно усилились кризисные явления⁶⁹. Еще менее радужная ситуация складывалась в Минске, где в июле 1935 г. ИЕПК АН Белорусской ССР был влит в новосозданный НИИ национальных меньшинств.

С.М. Диманштейн определенно должен был быть осведомлен о резко усилившихся с 1935 г. мобилизационно-консолидационных тенденциях в позиции Сталина, в том числе и относительно усиления роли союзного центра — Москвы в системе госуправления СССР, включая научную сферу. В этой ситуации у Диманштейна были все основания надеяться превратить Еврейскую научную комиссию НИИ национальностей в координирующий центр советской иудаики. В пользу такого предположения могут, в частности, свидетельствовать результаты проведенного 16–17 октября 1935 г. в Еврейской научной комиссии НИИ национальностей совещания с участием коллег из Киева и Минска. По его итогам было решено под эгидой НИИ национальностей и с С.М. Диманштейном в качестве ответственного редактора подготовить к 20-летию Октябрьской революции фундаментальный двухтомник «20 лет пролетарской диктатуры и еврейские массы» объемом 60 печ. листов⁷⁰. Наряду с москвичами, в этом издании планировалось участие не только сотрудников киевского ИЕПК и бывшего минского ИЕПК, но и руководителей ЕАО И.И. Либберберга и М.П. Хавкина. Предполагалось подготовить этот двухтомник к печати к началу 1937 г.

Между тем в течение 1935–1936 гг. мобилизационно-консолидационные тенденции охватили и сферу политики в отношении национальных меньшинств, «в рамках утверждения концепции «решенности» национального вопроса в СССР⁷¹. В том, что касалось евреев, подобная новация уже в первой половине 1936 г. обрела вполне отчетливое стремление партийной верхушки концентрироваться на поддержке «обслуживающих» их национальных институций, в том числе и научных, прежде всего в пределах ЕАО. Об этом недвусмысленно заявил 9 февраля 1936 г. во время посещения Биробиджана секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович: «...В Еврейской автономной области должно быть сосредоточено все то культурное богатство,

которое создано еврейскими культурными учреждениями Москвы, Украины и Белоруссии»⁷². В более широком контексте кардинального пересмотра прежнего курса в отношении национальных меньшинств уже 27 февраля 1936 г. во Всесоюзном центральном комитете нового алфавита (ВЦКНА) по поручению Совета Национальностей ЦИК Союза ССР началась «проверка». Как следствие, в марте было отменено проведение Всесоюзного совещания по вопросам языка и письменности национальностей СССР. Не позднее 16 мая 1936 г. руководящие работники ВЦКНА, в Президиум которого Диманштейн входил с момента его создания в 1927 г., были обвинены в «притуплении политической бдительности». Как следствие, было предложено «объединить» Институт национальностей с рядом других профильных НИИ, «реорганизовав их в центральный институт языка и письменности народов Союза ССР»⁷³. Показательно, что в конце апреля того же 1936 г. решением Бюро ЦК КП(б) Белоруссии был «реорганизован», а фактически расформирован НИИ национальных меньшинств АН Белорусской ССР. В мае 1936 г. схожая участь, но в менее жесткой форме постигла и ИЕПК в Киеве, «преобразованный» в более чем скромный Кабинет по изучению еврейского языка, литературы и фольклора АН Украинской ССР. В том числе и по этим причинам, планы издания юбилейного двухтомника провалились.

Что же касается непосредственно Л.Г. Зингера, то в 1932–1936 гг. за немногим менее чем пять лет его работы во ВНАВ и НИИ национальностей он без особых помех продолжал целенаправленно заниматься исследованиями изменений в социально-профессиональной структуре еврейского населения СССР в годы «Большого скачка». В 1933 г. была опубликована на идише его небольшая монография «Еврейский пролетариат в СССР». Однако подготовленная к печати русскоязычная версия этой книги так и не увидела свет. Зингеру пришлось довольствоваться лишь небольшой, но отдельной главой о евреях в его другой монографии «Национальный состав пролетариата в СССР», вышедшей в конце 1934 г. К этому времени он уже работал старшим научным сотрудником в НИИ национальностей. С января 1934 г. на Зингера были возложены обязанности зав. научно-вспомогательным бюро НИИ национальностей с вполне достойной для советского научного работника середины 30-х гг. зарплатой 300 рублей в месяц⁷⁴. Наряду с изучением общесоветской проблематики и обеспечением коллег по НИИ национальностей необходимой статистической информацией по широкому кругу проблем социально-экономического и культурного строительства в стране, Зингер в 1934–1935 гг. работал над собственной монографией «Еврейская колонизация в СССР», предполагаемым объемом 15 печ. листов. Судя по всему, это была договорная тема в рамках сотрудничества НИИ национальностей с ОЗЕТОм или КОМЗЕТОм.

Как представляется, в ходе разработки данной проблематики Зингер получил санкцию Диманштейна на проведение в 1934–1935 гг. ряда экспедиционных и анкетных обследований еврейского населения городов и местечек Украинской и Белорусской ССР, а также Западной обл. РСФСР. Формально эти обследования касались двух проблем, в изучении которых по ведомственной принадлежности могли быть заинтересованы КОМЗЕТ и ОЗЕТ. Во-первых, количественных и качественных характеристик потенциальных «переселенческих контингентов» для освоения земельных фондов КОМЗЕТа в ЕАО и Крымской АССР. Во-вторых, положения в приместечковых колхозах, созданных в 1929–1930 гг. Но Зингер смог заложить в программы этих обследований вопросы, ответы на которые давали возможность анализировать масштабы и динамику оттока евреев, например, с Украины в период и после голодомора 1932–1933 гг. или причины кризиса в середине 30-х гг. советской школы на идише.

В мае-июне 1935 г. от имени Еврейской научной комиссии НИИ национальностей Зингер разослал анкеты в 328 районных центров и отдельных населенных пунктов, из более половины которых анкеты вернулись заполненными. В августе 1934 и августе 1935 гг. студенты КУНМЗа провели на основе опросника, составленного Зингером, экспедиционные обследования еврейского населения 47 городов и местечек Украинской и Белорусской ССР. До конца 1935 г. Зингер обработал все полученные в ходе перечисленных обследований данные и предварительно их проанализировал⁷⁵. Но опубликовать эту работу тогда Зингеру не удалось⁷⁶. На сентябрь — октябрь 1936 г. он планировал проведение с участием студентов КУНМЗа анкетных и экспедиционных обследований уже евреев-рабочих фабрично-заводской промышленности в семи-восьми индустриальных центрах СССР⁷⁷. Но из-за закрытия КУНМЗа и свертывания деятельности НИИ национальностей эти планы остались нереализованными.

По последней причине не был до конца реализован и один из наиболее масштабных научно-исследовательских проектов НИИ национальностей, в котором Л.Г. Зингер принимал самое деятельное участие как зав. научно-вспомогательным бюро института. Это был двухтомный статистический сборник «Итоги разрешения национального вопроса в СССР» под общей редакцией С.М. Диманштейна. Зингер составил план сборника, на него также была возложена общая организация работы и руководство статистической разработкой материалов. I том сборника был сдан в печать осенью 1935 г. и увидел свет в 1936 г., а работа над II томом была прервана в середине 1936 г.

С конца 1935 г. Зингер при живейшем участии Диманштейна прилагал весьма энергичные усилия с целью убедить руководство ЦУНХУ Госплана СССР расширить детализацию разработки данных предстоявшей Всесоюзной переписи населения в части, касавшейся

национального аспекта социально-профессионального состава населения СССР и его миграционной подвижности по отдельным национальностям, в том числе и по евреям⁷⁸. Не найдя взаимопонимания по этому вопросу с коллегами в ЦУНХУ, Зингер в апреле 1936 г. выступил по данной проблеме публично в ведомственном журнале Совета Национальностей ЦИК Союза ССР⁷⁹. Но усилия НИИ национальностей в диалоге с ЦУНХУ оказались полностью безрезультатными. Тогда 31 октября 1936 г., буквально в последние дни пребывания С.М. Диманштейна на посту директора института Зингер инициировал за его подписью письмо в Президиум Совета Национальностей ЦИК Союза ССР. В нем предлагалось обратиться в ЦУНХУ с настоятельной просьбой о возможности архивирования первичных переписных листов хотя бы по отдельным национальностям в пределах административно-территориального деления. Показательно, что в письме НИИ национальностей прямо указывалось, что это будет крайне актуально прежде всего в целях дополнительной разработки материалов переписи именно в отношении евреев⁸⁰.

Между тем, еще 11 июня 1936 г. Президиум Совета Национальностей ЦИК Союза ССР утвердил Положение о Центральном научном институте языка и письменности народов Союза ССР (ЦНИЯП). Вслед за этим, Диманштейн в январе 1936 г., чуть ли ни первым отрапортовавший «наша Страна Советов, страна диктатуры пролетариата — единственная в мире страна, правильно разрешившая национальный вопрос, в том числе и еврейский вопрос»⁸¹, получил еще один, куда более зловещий удар. В сентябре 1936 г. секретарь партколлегии при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятов выдвинул против него и арестованного 20 августа И. Либерберга обвинение в неких «закулисных» переговорах по поводу «Биробиджанского проекта» с американским прокоммунистическим ИКОРОм⁸². Тогда Диманштейн, в очередной раз ослабленный, все же устоял. 10 ноября он совместно с ново назначенным директором ЦНИЯПа Петросяном провел совещание «по реорганизации» НИИ Национальностей и 26 ноября Петросян подписал приказ об увольнении с 10 декабря 1936 г. 9 научных сотрудников бывшего НИИ национальностей, включая Л.Г. Зингера.

Но оставаясь председателем ЦС ОЗЕТа, Диманштейн все же положительно решил вопрос о трудоустройстве Зингера с 1 января 1937 г. ученым-консультантом Еврейской научной комиссии при ЦС ОЗЕТа. Возглавил эту новую научно-исследовательскую структуру также уволенный из НИИ национальностей А.З. Брахман, руководивший параллельно еврейским сектором КУНМЗа, прекратившим свое существование 20 апреля 1936 г. Насколько можно понять, Зингер был единственным его подчиненным по Еврейской научной комиссии при ЦС ОЗЕТа, получившей весьма щедрое финансирование своей деятельности — 50 тыс. рублей на юбилейный для Советской власти 1937 г.⁸³

В преддверии 20-летия Октября 1917 г. пропагандистские возможности ОЗЕТа естественно были востребованы и презентационные функции стали одной из важнейших сторон деятельности новосозданной его Еврейской научной комиссии. Научная комиссия сразу же включилась в подготовку еврейской составляющей советских павильонов на Всемирной выставке 1937 г. в Париже и международной выставке, намеченной на 1939 г. в Нью-Йорке. С марта 1937 г. началась также активная подготовка к изданию в престижном московском издательстве ИЗОГИЗ помпезного альбома «Евреи СССР — Биробиджан». Кроме того, Еврейская научная комиссия консультировала подготовку экспозиции «Еврейская автономная область» для выставки «Евреи в царской России и СССР», которую готовил в Государственном музее этнографии в Ленинграде зав. его еврейской секцией И.М. Пульнер.

В планах Еврейской научной комиссии фигурировала также широкая издательская программа общим объемом 80 печ. листов. Под эгидой комиссии предполагалось издание научных сборников и монографий не только московских, но и ленинградских, киевских, минских, одесских авторов. В частности, Т. Гейликмана, У. Маргулиса, С. Борового, И. Пульнера. Кроме того, сотрудники комиссии обязались подготовить к изданию свои собственные монографии. А. Брахман начал работу над книгой «1917 год в еврейской среде», а Л. Зингер — над монографией «Социально-экономические итоги разрешения еврейского вопроса в СССР», объемом 20 печ. листов. Явно стремясь продолжить проект превращения подведомственной ему Еврейской научной комиссии в ведущий в СССР центр изучения истории и экономики советских евреев, С.М. Диманштейн не был чужд и собственных научных амбиций, готовя монографию «Очерки по истории еврейского рабочего движения»⁸⁴.

Тогда на факультете языка и литературы самого престижного советского педагогического ВУЗа — МГПИ им. А.С. Бубнова продолжало функционировать Еврейское отделение с кафедрой еврейского языка и литературы и аспирантурой⁸⁵. Учитывая явный кризис в Киеве и тем более в Минске, а также двойственную ситуацию в ЕАО, прожекты Диманштейна по превращению столицы СССР в ведущий центр советской иудаики даже после ликвидации НИИ национальностей и КУНМЗа выглядели, с его точки зрения, в начале 1937 г. вполне реализуемыми. Тем более что он самым непосредственным образом наблюдал за коллизиями созыва в Биробиджане языковедческой конференции по идишу, на которой должен был выступать с программным докладом «Марксистско-ленинское языковедение и задачи развития еврейского языка»⁸⁶.

Как искушенный управленец и один из ведущих идеологов «решения национального вопроса в стране диктатуры пролетариата» пони-

мал ли Диманштейн в страшном 1937 г., что этот «пир во время чумы» может в одночасье закончиться не только для Еврейской научной комиссии ОЗЕТа и всех других созданных им «площадок», но и для него лично? Это проблема отдельного исследования. В данном случае хочу заметить, что Диманштейн мог лишь бессильно наблюдать за начинавшимися еще весной 1936 г. репрессиями против его бывших подчиненных по Евсекции на Украине, в Белоруссии и ЕАО. В 1937 г., как круги по воде, эти и более широкие репрессии докатились до Москвы. Возможно, его могла тешить оказавшаяся, впрочем, иллюзорной надежда на самого Сталина, ближайшим приближенным которого Диманштейн был еще с момента создания Наркомнаца в 1918 г. Какое-то, в том числе и личные контакты с вождем он мог сохранять вплоть до начала 1936 г. Именно тогда, вероятно, Диманштейн окончательно «вышел из доверия» у Сталина, из-за несомненной его оппозиции решению вождя изъять из проекта новой редакции Советской Конституции даже упоминание таких категорий как национальные меньшинства, национальные районы и национальные советы.

Несомненно, в ходе практически тотального избавления от большевистских функционеров «ленинского призыва» в 1937–1938 гг. судьба Диманштейна была предрешена. Начало его окончательного крушения положил 29 ноября 1937 г. зав. отделом печати ЦК ВКП(б) и главный редактор «Правды» Лев Мехлис. В направленном секретарям ЦК, включая Сталина, документе он доложил, что орган ЦС ОЗЕТа, УкрОЗЕТа и БелОЗЕТа «Трибуна», редактируемая «небезызвестным С. Диманштейном», выступила с передовой к 20-летию Октябрьской революции, в которой были допущены серьезные политико-идеологические ошибки. Стремительно, уже 3 декабря Оргбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление «Об антисоветской статье в журнале «Трибуна», в котором за «пропаганду буржуазного национализма» Диманштейна было указано снять с поста ответственного редактора этого журнала, а сам журнал закрыть⁸⁷. Диманштейн был арестован 20 февраля 1938 г. НКВД обвинило его помимо еврейского национализма и в пантюризме. 16 апреля 1938 г. Диманштейн, в частности, подписал протокол, в котором «признал» существование в ОЗЕТе «законспирированной еврейской националистической организации». К этому времени практически все руководящие работники ОЗЕТа (более 10 человек) уже были арестованы. По мнению Г.В. Костырченко, именно эти показания Диманштейна легли в основу решения Сталина о ликвидации ОЗЕТа, КОМЗЕТа и свертывания деятельности на территории СССР «Агро-Джойнта», а также других зарубежных еврейских благотворительных организаций в мае 1938 г.⁸⁸

Что же касается Еврейской научной комиссии ЦС ОЗЕТа, то еще 1 марта 1938 г., уже через 9 дней после ареста Диманштейна, председатель КОМЗЕТа С.Е. Чуцкаев распорядился ее ликвидировать⁸⁹. За год

с небольшим работ в этой комиссии Л.Г. Зингер проявил необычайную исследовательскую активность, но, пожалуй, самое главное, что ему тогда не удалось, это получить доступ к материалам проведенной 6 января 1937 г. Всесоюзной переписи населения⁹⁰. Еще 7 мая 1937 г. он инициировал обращение председателя КОМЗЕТа С.Е. Чуцкаева в ЦУНХУ. В котором подчеркивалось «...Комзету, занятому регулированием переселения еврейских трудящихся в Ев.АО ДВК⁹¹ для составления планов этого переселения необходимо располагать в ближайшее время максимальным количеством данных о численности и составе еврейского населения в местах его сосредоточения: УССР, БССР, Западной обл., Москве, Ленинграде и др., причем данные эти в разрезе отдельных поселений. Для ведения переговоров о возможных формах предоставления Комзету материалов переписи в отношении еврейского населения уполномочивается ученый консультант Еврейской научной комиссии при ЦС Озета тов. Зингер Л.Г.»⁹².

Предположительно, Зингеру эти сведения были необходимы для выполнения договора с ИЗОГИЗОм по упоминавшемуся уже альбому «Евреи СССР — Биробиджан». По договору, Зингер должен был написать главу «Социально-экономическое состояние еврейского населения СССР», а также составить целый ряд таблиц и изготовить диаграммы. Договор предусматривал выплату ему весьма весомого гонорара — 1700 рублей⁹³. Однако осенью 1937 г., видимо, после снятия Диманштейна с поста ответственного редактора «Трибуны» реализация проекта издания альбома «Евреи в СССР — Биробиджан» была приостановлена.

Зингер в 1937 г., продолжая текущую консультационную, справочную и организационную работу в Еврейской научной комиссии, в основном сосредоточился на написании кандидатской диссертации «Социально-экономические итоги разрешения еврейского вопроса в СССР». По свидетельству его дочери, к началу 1938 г. Зингер ее закончил, но «она пропала вместе с Диманштейном»⁹⁴. Судя по всему, источниковую базу той кандидатской диссертации Зингера составили материалы ЦУНХУ середины 30-х гг. и результаты анкетных и экспедиционных обследований, которые были проведены под его руководством в 1934–1935 гг. Во всяком случае, именно на эти данные он опирался в ряде публикаций в газете «Der Emes» в 1937 — в первой половине 1938 гг. О том, насколько «идеологически выдержаны» были газетные статьи Зингера в тот период, говорят их заголовки: «Социальная реконструкция среди еврейского населения СССР» («Der Emes», 1937, 9 октября); «Советская еврейская женщина» («Der Emes», 1938, 8 марта); «Социалистическое решение проблемы местечка» («Der Emes», 1938, 12 апреля); «Социальное строительство советского еврейского народа» («Der Emes», 1938, 26 июня). Впрочем, использование терминологии «советский еврейский народ» также весь-

ма показательно, но не противоречило «новым веяниям» в духе пропагандистской риторики о «дружбе народов». Интересно также, что при ликвидации Еврейской научной комиссии ОЗЕТа 1 марта 1938 г. в резолюции председателя КОМЗЕТа С.Е. Чуцкаева отмечено: «Признавая проводимую Науч. ком.[иссией] работу «Соц.-Экон. итоги разрешения еврейского вопроса в СССР» имеющей большое значение ... признать возможным содействовать окончанию этой работы, в том числе и учет результатов переписи (так в тексте, предстоявшей в январе 1939 г. новой Всесоюзной переписи населения. — М.К.), путем заключения с т. Зингером трудового соглашения»⁹⁵. Так что еще в марте 1938 г. у Зингера могли сохраняться какие-то иллюзии защитить кандидатскую диссертацию и опубликовать ее в виде монографии. Но уже в конце апреля — мае 1938 г. планы резко изменились.

Практики социальной сопротивляемости, 1938–1951 гг.

По кратким воспоминаниям 1987 г. дочери Зингера «Время было очень тревожным, и летом 1938 г. меня даже отправили на Украину к теткам, т.к. отец ждал, что его арестуют, и не хотел, чтобы я при этом присутствовала. Но тогда обошлось»⁹⁶. Наверняка крайне угнетающе на Зингера могли подействовать аресты в мае 1938 г. практически всех основных функционеров ОЗЕТа и, конечно, ликвидация ОЗЕТа и КОМЗЕТа, а также прекращение деятельности в СССР Всемирного союза ОРТ. С апреля 1938 г. под арестом находился главуполномоченный ЦП Всемирного союза ОРТ в Москве Я.С. Цегельницкий. К тому времени, кроме Л.Г. Зингера и З.Л. Миндлина, попали под репрессии практически все советские «еврейские экономисты» конца 20-х — начала 30-х гг.⁹⁷ Беспартийный Л.Г. Зингер тогда уцелел, но «переквалифицировался», устроившись во второй половине 1938 г. на работу в Фундаментальную библиотеку общественных наук АН СССР на скромную должность старшего библиотекаря. Эта библиотека входила в структуру Комакадемии, слитую с АН СССР в начале 1936 г.

Старшим библиотекарем он оставался до конца 1939 г., когда, казалось бы, совершенно неожиданно вновь решает вернуться к проблематике «социалистической реконструкции советского еврейства». Не исключено, что толчком стало предложение ИЗОГИЗа помочь в реализации издания альбома «Евреи в СССР» в качестве консультанта писателя В. Финка. Последнему было поручено «отобрать из имеющегося, уже в большинстве устаревшего материала, самое ценное и интересное, дополнив его новейшими материалами»⁹⁸. Кажется, под новейшими материалами могли подразумеваться прежде всего данные Всесоюзной переписи населения 1939 г. Хотя в конечном счете и этот проект остался нереализованным, но Зингер получил тогда или и

1940 г. доступ к материалам переписи населения 1939 г.⁹⁹ К этому времени местом его работы значился «Группком писателей ОГИЗа» (Объединения государственных издательств). Группком ОГИЗа был структурой, в рамках которой не имевшие постоянного места работы авторы по трудовым соглашениям с издательствами, газетами и журналами получали гонорары за свои тексты, принятые к печати. Для Зингера, вероятно, основным заказчиком выступало московское издательство «Дер Эмес», выпускавшее литературу на идише. Наряду с ГОСЕТом и его театральной студией, издательство «Дер Эмес» оставалось одним из последних очагов советской еврейской культуры предвоенной Москвы. Именно в издательстве «Дер Эмес» буквально в первые дни войны вышла из печати книга Л.Г. Зингера «Обновленный народ». В ней Зингер в относительно популярной форме изложил результаты своего незащищенного диссертационного исследования, дополненного и скорректированного на основе полученных им в ЦУНХУ данных Всесоюзной переписи населения 1939 г.

В 1940 г. он также сотрудничал с областной газетой ЕАО на идише «Birobidzhaner Shtern», где опубликовал статьи о еврейском населении СССР по переписи 1939 г. и о еврейском населении Западной Украины и Западной Белоруссии. В биробиджанском альманахе на идише «Forpost» в 1940 г. вышла его статья «Сталинское решение еврейского вопроса в СССР (социально-экономические выводы)».

Аврахам Гринбаум верно оценил причинно-следственные связи всплеска научно-популярных публикаций по иудаике в СССР перед войной, связав их с желанием властей, в том числе и таким образом, подстегнуть темпы советизации еврейского населения аннексированных СССР в 1939–1940 гг. территорий¹⁰⁰.

Но, пожалуй, лишь Зингеру удалось тогда именно предметно рассказать об итогах большевистской модернизации советского еврейства, несомненным сторонником социально-экономической составляющей которой он искренне был. В то же время, весьма показательным, что в 30-х — начале 40-х гг. он явно неохотно касался проблематики еврейских национально-территориальных образований в СССР, особенно «Биробиджанского проекта», а также процесса развития советской еврейской культуры на языке идиш. Явно приветствовал успешную интеграцию евреев в советское общество, но никогда не выступал сторонником ассимиляции. Примечательно, что беспартийный советский «еврейский экономист» Лев Зингер, по воспоминаниям дочери, дома был человеком русской культуры. Много читал русскую классику (его любимыми авторами были Пушкин и Тургенев) и западно-европейскую литературу (прежде всего А. Франса и Т. Манна). Советская литература его, видимо, интересовала меньше, в том числе и на идише. Но он «хорошо знал Библию»¹⁰¹. Когда собирались гости в дни еврейских праздников, «отец пел молитвы, кото-

рые помнил с детства»¹⁰². Если релевантны воспоминания его дочери, Зингер в кругу семьи в предвоенные годы выглядит в своих культурных предпочтениях скорее русско-еврейским интеллигентом начала XX века, нежели воплощением результатов советской культурной революции на «еврейской улице». Впрочем, идиш он хорошо знал с детства и свободно на нем писал.

Зингер был сильно близорук к началу войны и к тому же страдал сердечной недостаточностью. Поэтому он был освобожден от мобилизации и уже летом 1941 г. вместе с семьей эвакуировался в Западную Сибирь. До начала 1944 г. работал в райотделе статистики в одном из райцентров Омской области. В первой половине 1942 г. Зингер вступил в переписку с созданным в начале 1942 г. Еврейским антифашистским комитетом в СССР (ЕАК) и стал собирать материал по проблематике эвакуированных евреев. В 1944 г. он вернулся в Москву и по договору с ЕАК начал писать работу «Евреи СССР в эвакуации». Став, таким образом, чуть ли ни первым исследователем этой проблемы. Вероятно, именно по его настоянию в конце августа 1944 г. отв. секретарь ЕАК Ш. Эпштейн направил в региональные органы власти РСФСР, Казахской, Узбекской и Киргизской ССР письмо, в котором говорилось «ЕАК необходимы данные о численности и составе зарегистрированных в Вашей области (республике) эвакуированных евреев ... обращаемся с просьбой ... произвести выборку из имеющихся у Вас регистрационных списков тех материалов, которые относятся к евреям»¹⁰³. Параллельно Зингера пригласили к сотрудничеству с созданной в мае 1944 г. в составе ЕАК информационной структурой для внешнеполитической пропаганды Еврейским советским пресс-агентством (ИСПА) во главе с писателем Л. Квитко. Написание текстов для ИСПА весьма щедро оплачивалось, что дало возможность семье Зингеров сравнительно безбедно существовать вплоть до окончания войны.

В самом конце 1944 г. Зингер направил рукопись «Евреи СССР в эвакуации» в ЕАК. Судя по всему, на начальном этапе она была воспринята положительно, поскольку в марте 1945 г. один ее экземпляр был отправлен по линии ИСПА в Лондон. Однако уже 19 мая 1945 г. отв. секретарь ЕАК Ш. Эпштейн в одном из своих отчетов писал: «книга «Евреи СССР в эвакуации», заказанная ЕАК, забракована и издана не будет»¹⁰⁴.

Причины подобного решения неясны, поскольку в сохранившемся архиве ЕАК в ГА РФ (Ф. 8114) выявить эту рукопись Зингера не удалось. Вероятнее всего, этот текст Зингера затерялся где-то в недрах Лубянки. Хочется надеяться, что он мог сохраниться хотя бы в одном из архивных собраний Великобритании, где отложились материалы, присланные из ЕАК. На данном этапе можно лишь сделать два предположения. Одно — общего порядка. Решение об отказе в

издании этой книги было принято в первые послевоенные дни. Возможно, пропагандистские перспективы такого издания в соответствующих партийных структурах, курировавших ЕАК, были сочтены малозначимыми или вовсе отвергнуты как потерявшие актуальность. В этом свою роль могла сыграть и общая установка «забыть» проблему эвакуации на начинавшемся этапе послевоенного восстановления страны. Но могли сыграть роль и какие-то интриги внутри ЕАК. Так, именно весной — летом 1945 г. и позднее весьма активен, в том числе и по проблематике «евреи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны», в ЕАК вдруг стал давний коллега-оппонент Зингера, бывший киевлянин Яков Кантор. Во всяком случае, создается впечатление, что именно в середине 1945–1946 гг. этот бывший евсеквец и озетовец более пришелся «ко двору» в ЕАК, чем Зингер. Впрочем, и публицистические работы Я. Кантора тех лет также не увидели свет.

Как и Зингер, Я. Кантор не был включен и в созданную Президиумом ЕАК 4 марта 1946 г. Историческую комиссию. В Историческую комиссию при ЕАК, в частности, вошли известные в 20-х — 30-х гг. советские еврейские историки и литературоведы: Израиль Сосис, Тевье Гейликман, Моисей Беленький, Нахум Ойслендер, Зорах Гринберг¹⁰⁵. Впрочем, наследие Исторической комиссии при ЕАК ограничивается лишь рукописями двух крайне идеологизированных и ценных исключительно как «памятники мысли эпохи позднего сталинизма» пухлых сочинений И. Сосиса и Т. Гейликмана по истории евреев в России и СССР до середины 20-х гг. XX в.¹⁰⁶

По сохранившейся в ГА РФ части архива ЕАК связи Л.Г. Зингера с ЕАК в 1946–1948 гг. не прослеживаются, в том числе и на этапе подготовки «Черной книги». Впрочем, по свидетельству его дочери, тогда «он много писал, публикуясь в газете «Эйникайт», что-то делал в Еврейском антифашистском комитете, давал материалы в Совинформбюро»¹⁰⁷.

Во второй половине 1945 г. Зингер устроился на работу в качестве старшего научного сотрудника отдела научной библиографии в Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (ГМИИ). Видимо, используя сохранившиеся еще с конца 30-х гг. свои связи среди библиографов. Наряду с библиографической рутинной, Зингер занимался профильной научно-исследовательской работой. В отчетах отдела научной библиографии ГМИИ за 1946–1947 гг. указываются выполненные им исследования: «Подготовка и публикация писем Цветаева к Клейну» (3 авт. листа) и «Объяснительный словарь библейских сюжетов, представленных в памятниках ГМИИ» (5 печ. листов)¹⁰⁸. В последнем случае весьма информативно замечание в воспоминаниях дочери Зингера «...его раздражало, что экскурсоводы в Музее не могут объяснить посетителям содержание картин на библейские темы. Он даже написал краткое руководство, где изложил сюжеты экспонирующихся в Музее картин»¹⁰⁹.

Как представляется, куда острее переживал тогда Зингер незавершенность дела своей жизни — подведения итогов процесса социально-экономической модернизации советских евреев. В 1946 г. он вернулся к идее защиты диссертации по этой проблематике «Социально-экономические итоги разрешения еврейского вопроса в СССР (Очерки социальной истории советского еврейства)». По свидетельствам его дочери, «защите предшествовала большая борьба. Насколько отец отступал, сталкиваясь с трудностями быта, настолько он был упорен в достижении значимой для него цели. Ни один институт не хотел представлять ему трибуну для защиты диссертации. Историки отсылали его к экономистам. Экономисты — к историкам. Кончилось это тем, что в письме на имя Сталина отец прямо писал, что ему не дают защищаться из антисемитских соображений и из секретариата вождя пришло распоряжение на исторический факультет университета (МГУ — М.К.) дать возможность провести защиту. В расчете на сегодняшнюю ситуацию (1987 г. — М.К.) должна сказать, что звание кандидата наук ничего не давало в материальном плане»¹¹⁰.

Наконец, 27 мая 1947 г. в московской газете на идише «Еуникайт» — органе ЕАК появилось сообщение о предстоящей на историческом факультете МГУ защите кандидатской диссертации Л. Зингера. Защита успешно состоялась в июне 1947 г. Зингеру тогда, вероятно казалось, что в очередной раз он успел вскочить «в уходящий поезд», и ему вновь может улыбнуться счастье вернуться к карьере исследователя советского еврейства. Ведь Зингеру тогда было только 48 лет и еще многое можно было успеть на исследовательском поприще. Как показывает анализ текста кандидатской диссертации Зингера, он, фразеологически следуя букве краткого курса «Истории ВКП(б)», так охарактеризовал, например, результаты радикальной советской модернизации еврейского населения СССР конца 20-х — 30-х гг. в том, что касалось причинно-следственных связей направления основных миграционных потоков. «Между переписями 1926 и 1939 гг. социально-эконом. перегруппировка еврейского населения происходила в двух диаметрально противоположных направлениях по отношению к его распределению между городом и деревней. С одной стороны, именно в этот период была партией и правительством проделана колоссальная работа по поселению масс еврейских переселенцев в нац. районах УССР, в колхозах Еврейск. авт. обл. и Крымской АССР, так же, как и в предместечковых колхозах. С другой стороны, Сталинская индустриализация обусловила массовый переезд еврейских трудящихся в крупные и крупнейшие пром. центры страны и, таким образом, усилила концентрацию еврейского населения в больших и средних городах».¹¹¹ Кстати, в кандидатской диссертации Зингера было уделено весьма скромное внимание, например, «Биробиджанскому проекту».

Как можно предположить, весь предыдущий карьерный опыт Зингера 30-х — 40-х гг. подсказывал необходимость идти на какой-то компромисс с властью. Тогда, во второй половине 1947 — первой половине 1948 гг. таковым, видимо, стала договоренность подготовить для издания на идише в издательстве «Дер Эмес» научно-популярный памфлет на основе диссертации. Возможно, он надеялся после этого получить место научного работника в одной из гуманитарных институций АН СССР, специализируясь по еврейской проблематике.

Небольшая по объему и скверно изданная книжка Зингера получила в итоге мировоззренчески вполне приемлемое для обеих сторон претенциозное название «Возрожденный народ». В этой научно-публицистической книжке мало что осталось по периоду до конца 30-х гг., от обстоятельной фактологичности его кандидатской диссертации. Но была добавлена главка о годах Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления в формате скорее публицистического очерка. Показательно, что не нашлось в этом памфлете места для анализа уничтожения советских евреев нацистами. Проблема эвакуированных затронута лишь вскользь. Видимо, таковыми были «правила игры», предложенные со стороны издательства «Дер Эмес». Книга «Возрожденный народ» была подписана в печать буквально перед провозглашением независимости Государства Израиль — 22 апреля 1948 г. и вышла в свет не позднее начала осени того же года.

Как раз в сентябре 1948 во главе израильской дипмиссии в Москву прибыла первый полномочный посол Израиля в СССР Голда Мейерсон (Меир). На встречах и массовых собраниях, в том числе у Хоральной синагоги в Москве в сентябре — начале ноября 1948 г., советские евреи публично и несанкционированно проявили совершенно недопустимую, с точки зрения самой сущности сталинского режима, «двойную лояльность», восторженно приветствуя членов израильской дипмиссии. В этом не было никакого преднамеренного фрондерства, поскольку Израиль до ноября 1948 г. был для СССР «оплотом антиимпериалистических сил на Ближнем Востоке».

Между тем, к середине ноября 1948 г. иллюзии Сталина относительно роли Израиля как советского «тройного коня» на Ближнем Востоке окончательно улетучились. За этим последовал 28 ноября 1948 г. роспуск ЕАК, прекращение издания газеты «Еуникаут» и 25 ноября закрытие издательства «Дер Эмес». Начались репрессии против «виновников» внешнеполитических неудач и «выразителей двойной лояльности» советских евреев из числа руководителей и функционеров ЕАК. Более того, для коммунистического деспота с этого момента все советские евреи стали «национальностью, имевшей за рубежом государство, враждебное СССР».

Параллельно с арестами в ЕАК, как представляется, для отвлечения от них внимания внутри страны и за рубежом началась пропа-

гандистская кампания «борьбы против безродных космополитов» в ведущих средствах массовой информации. Затем, с весны 1949 г. по стране стали прокатываться волны кадровых чисток, приобретшие к 1951 г. все признаки постепенного, но целенаправленного выдавливания евреев из большинства социально-престижных сфер жизни советского общества. Зингер, видимо, трезво оценивал тогда ситуацию и на протяжении 1949–1951 гг., не привлекая внимания, продолжал скромно трудиться в отделе научной библиографии ГМИИ. К счастью, в конце 1948 — начале 1949 гг. его миновали репрессии против руководства и сотрудников ЕАК. Не исключено, из-за достаточно раннего (еще в середине 1945 г.) заметного снижения контактов с ЕАК. В 1949–1951 гг. он написал докторскую диссертацию «Социальные основы истории советских евреев. 1917–1948 гг.». «Перепечатал ее, переплел и положил в книжный шкаф, надеясь, что придет время для защиты»¹¹².

Было бы несомненно любопытно иметь представление о том, что в 1949–1951 гг. Зингер писал о проблемах эвакуации, трагедии Холокоста, трудностях восстановительного периода. Как кажется в отношении межвоенных десятилетий, едва ли основные выводы докторской и кандидатской диссертаций Зингера могли отличаться по существу. Ему ли было не знать «правила игры» в советской гуманитарной науке. Но если его дочь в своих воспоминаниях верно воспроизвела нижнюю хронологическую границу докторской диссертации Зингера, то необходимо отметить следующее. Зингер вполне адекватно оценивал происходящее, поскольку конец 1948 г., несомненно, стал рубежом в истории советского еврейства. С 1949 г. начались «черные годы». В любом случае, прямо написать об этом Зингер не мог, а вот что он думал? По крайней мере, о собственной судьбе. Как кажется, его в 1949–1951 гг. должна была нередко посещать мысль, высказанная в 1951 г. другому москвичу, археологу М.Г. Рабиновичу академиком Н.М. Дружининым: «Хорошо, что вас оставляют в музее. Если отбросить такие устаревшие понятия как справедливость, то главное ведь — работа остается»¹¹³.

Но «дело ЕАК», находившееся в вялотекущем состоянии вплоть до середины 1951 г., получило новый импульс после ареста главы МГБ Абакумова и руководства следственной группы. Спровоцировавший чистку середины 1951 г. в МГБ подполковник М.Д. Рюмин добился от нового министра МГБ Игнатъева санкции на проведение дополнительной экспертизы материалов разогнанного еще в ноябре 1948 г. ЕАК «по определению степени их секретности, идеологической направленности материалов служебного и литературного характера, в свое время подготовленных или изданных подследственными»¹¹⁴.

Осенью 1951 г. настроение Зингера, по воспоминаниям его дочери, «было отвратительным». Она также свидетельствовала: «Обыч-

но праздничные дни родители проводили с друзьями, а 7–8 ноября 1951 г. отец категорически отказался куда-либо идти или принимать кого-либо дома. В ночь на 11 ноября его арестовали... Была конфискована докторская диссертация, а также уникальная, хотя и небольшая, библиотека из книг по еврейской истории... Год длилось следствие, потом вынесен приговор — по ст. 58 п.1а, 10, 11, заключение на 25 лет за шпионаж, измену Родине, агитацию, пропаганду. Затем Потьма — лагерь строго режима, запрещение переписки, свиданий и проч.»¹¹⁵.

Не имея доступа к следственному делу Л.Г. Зингера, трудно сказать, что именно инкриминировали ему следователи МГБ. Логично предположить, что это было одно из «дочерних дел» в связи с «делом ЕАК», по которым в 1949–1952 гг. по примерно 70 делам¹¹⁶ было арестовано, вероятно, несколько сотен человек. Как правило, по таким делам подследственным предъявлялись обвинения в «еврейском буржуазном национализме и шпионаже». В качестве доказательной базы использовались «показания» ранее арестованных или уже осужденных и «экспертизы» материалов, выявленных в архиве ЕАК. В частности, Зингеру могли предъявить обвинения за его текст «Евреи СССР в эвакуации» или иные материалы, которые он писал для ЕАК. Не исключено, что роковой для него могла, например, стать и публикация в 1951 г. в США «антисоветской» книги Соломона Шварца «Евреи в Совестком Союзе»¹¹⁷, в которой обильно цитировались статистические данные из публикаций Зингера 20-х — 40-х гг. Вероятно, в ноябре 1952 г. Зингер был он одним из последних, получивших приговор по одному из «дочерних дел ЕАК».

Реабилитирован Л.Г. Зингер был после XX съезда КПСС в середине 1956 г. «Домой пришел совсем другой человек: исчезли его громкий голос и заразительный смех, он старался быть незаметным... Не пропало только чувство юмора, но проявлялось оно тоже тихо»¹¹⁸. Л.Г. Зингер после реабилитации был восстановлен в должности старшего научного сотрудника отдела научной библиографии ГМИИ, где незаметно для других проработал полтора года. Никаких следов, что он даже пытался восстановить свою докторскую диссертацию, нет. При личном общении в 1987 г. его дочь сказала мне: «Папа после реабилитации выглядел абсолютно опустошенным и надломленным человеком, которого мало что интересовало». Вероятно, тогда окончательно был выработан его физиологический ресурс. Лев Григорьевич Зингер скончался 28 декабря 1957 г. Ему тогда было только 58 лет.

* * *

Как показал проведенный анализ, Л.Г. Зингер был на редкость последователен в своих профессиональных предпочтениях, опиравшихся на марксистско-ленинское экономическое образование первой половины 20-х гг. и глубокое чувство еврейского национального само-

сознания. Именно эти два начала, на мой взгляд, диктовали его неслабый исследовательский интерес и активное участие как эксперта и управленца во впечатляющей по размаху и радикальности советской социально-экономической модернизации еврейского меньшинства конца 20-х — 30-х гг.

Менялись институции, где он работал, государственная экономическая и национальная политика, Зингер оставался, за редкими исключениями и не по своей воле, но преимущественно в рамках избранного им в 1926 г. исследовательского поля. По мере усиления тоталитарного начала в большевистском режиме, ему приходилось менять некоторые приоритеты. Все более значимые компромиссы он допускал в формах и фразеологии изложения результатов своих научных изысканий, идеологическом их обрамлении.

В узко исследовательском смысле, Зингера более всего занимали проблемы влияния советской модернизации на изменения социально-профессиональной структуры еврейского населения СССР. С конца 20-х до второй половины 30-х гг. он изучал этот феномен как статистик — экономист, с конца 30-х гг. до второй половины 40-х гг. — как историк. Причем, в конце 40-х — начале 50-х гг. делал это уже прямо вопреки «политике партии». Видимо, именно тогда Зингер перешел дозволявшиеся поздним сталинизмом для «нелояльного национального меньшинства» границы «сопротивляемости».

Представляется также важным. Данное исследование дополняет и уточняет оценки А. Гринбаума о деятельности Объединенной статистико-экономической комиссии при Всероссийском ОРТе. Позволяет фактически вернуть из небытия Статистический отдел КОМЗЕТА, Всесоюзную научную ассоциацию востоковедения при Комакадемии, Еврейскую научную комиссию в НИИ национальностей и во Всесоюзном ОЗЕТе, а также Историческую комиссию ЕАК. Подчеркну, в конце 20-х — 30-е гг. социоэкономические исследования в Москве под покровительством сначала ОРТа, а потом С.М. Диманштейна были одним из важных направлений в советской иудаике, а личное участие в этом Л.Г. Зингера было значимым.

¹ См. в частности: Еврейское население СССР / Обработка материала и текст Л.Г. Зингера. Под ред. З.Л. Миндлина. М. 1927; Евреи в кустарно-ремесленной промышленности СССР / Сост. Л.Г. Зингер, Е.С. Лурье, З.Л. Миндлин. М. 1928; *Зингер Л.Г.* Численность и распределение еврейского населения по всему земному шару // Вопросы биологии и патологии евреев. Л. 1928. Сб. II. С. 118–139; *Зингер Л.Г.* Численность и географическое размещение еврейского населения СССР // Евреи в СССР. Материалы и исследования. М. 1929. Вып. IV. С. 38–55; *Зингер Л.Г.* Еврейское население СССР в таблицах и диаграммах / Под ред. и с пред. З.Л. Миндлина. М. 1930; *Зингер Л.Г.* Еврейское население Москвы (по данным Всесоюзной демографической переписи 1926 г.)

// Вопросы биологии и патологии евреев. Л. 1930. Сб. III. Вып. 1. С. 168–173; Зингер Л. Еврейское население в Советском Союзе. Статистико-экономический обзор. М., 1932.

² Zinger L. Dos banaite folk. Moskve, 1941, Zinger L. Dos oyfgerikhte folk. Moskve, 1948.

³ Статистические материалы по еврейской демографии и экономике. М. 1928–1930. Вып. 1–10; КОМЗЕТ. Статистико-плановый отдел. Бюллетень статистико-экономических материалов. М. 1931. № 1–4.

⁴ См. в частности: Chkolnikova E. The Transformation of the Shtetl in the USSR in the 1930s // Jews in Russia and Eastern Europe. 2004. № 1(52). P. 91–129.

⁵ ГАРФ. Ф. 7541. Оп. 1. Д. 791. Л. 5.

⁶ ГАРФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 918. Л. 25.

⁷ Гринбаум А. Еврейская наука и научные учреждения в Советском Союзе. 1918–1953. // Евреи в России. Историографические очерки. 2-ая половина XIX века — XX век. М., 1994. С. 96–97.

⁸ Гринбаум А. Указ. соч. С. 24, 66.

⁹ Гринбаум А. Указ. соч. С. 113.

¹⁰ Hart M.B. Social Science and Politics Modern Jewish Identity. Stanford, 2000. P. 28–55.

¹¹ Осокина Е.А. О социальном иммунитете, или критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // История сталинизма: Итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. М. 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 403–406.

¹² Тогда же я написал краткую биографическую справку о Л.Г. Зингере и вместе с его фотографией предложил для публикации зам. главного редактора вышедшего в Москве журнала на идише «Sovetish Heymland» Хаиму Бейдеру. К сожалению, даже в условиях Перестройки, при публикации в рубрике «Материалы для лексикона еврейской советской литературы» в № 4 за 1987 г. (с. 164), редколлегия «Sovetish Heymland» не сочла возможным оставить в этом тексте упоминание, что в 1951–1956 гг. Л.Г. Зингер был репрессирован. К тому же в мой авторский текст была добавлена не всегда верная информация. С указанными лакунами и неточностями информация о Л.Г. Зингере была включена и в статью о нем, помещенную в Российской Еврейской Энциклопедии. М., 1994. Т. 1. С. 491.

¹³ Зингер Лев Григорьевич (род. 19 октября 1899 г., умер 28 декабря 1957 г.) // Личный архив И.И. Крупника. Л. 1.

¹⁴ АРАН. Ф.677. Оп. 4. Д. 104. Л. 4.

¹⁵ Челябинов Н.И. Сеть высших учебных заведений в РСФСР за 10 лет // Научный работник, 1927, №4. С. 130–135.

¹⁶ Урланис Б.Ц. Неопубликованные воспоминания. О себе вслух: от шести до двадцати // Демоскоп Weekly. № 253–254. 21 авг. — 3 сент. 2006 г.

¹⁷ Зингер Лев Григорьевич ... // Личный архив И.И. Крупника. Л. 1.

¹⁸ О деятельности ОРТа в СССР см.: Munitz A. Irgunei «ORT» be Brit ha-Moatsot be-shanim 1917 — 1938. Tel Aviv, 1981.

¹⁹ Гольде Ю.В. Земельное устройство трудящихся евреев. М., 1925. С. 63.

²⁰ Гольде Ю.В. Указ. соч. С. 4.

²¹ Dekel-Chen J. Farming the Red Land: Jewish Agricultural Colonization and Local Soviet Power. New Haven. 2005.

²² [Зингер Л.Г.] Три года работы Статистико-экономической комиссии при правлении Всероссийского ОРТ (декабрь 1926 — декабрь 1929 г.) // Статистические материалы по еврейской демографии и экономике. 1930. № 6. Январь. С. 1.

²³ РГАЭ. Ф. 5244. Оп. 1. Д. 27. Л. 5.

²⁴ РГАЭ. Ф. 5244. Оп. 1. Д. 27. Л. 8.

²⁵ Григорий Аронсон. Записки секретаря ОРТа / Публ., вступ. статья и комм. А.И. Иванова // Архив еврейской истории. Т. 3. М., 2006. С. 102; РГАЭ. Ф. 5244. Оп. 1. Д. 27. Л. 1; Николаев М.Г. Неизвестные судьбы госбанковцев в 1920-х: директор иностранного отдела Госбанка СССР В.С. Коробков // Деньги и кредит, 2013. № 7. С. 67.

²⁶ Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923): Документы и материалы. М., 2007. С. 240.

²⁷ РГАЭ. Ф. 5244. Оп. 1. Д. 27. Л. 20.

²⁸ РГАЭ. Ф. 5244. Оп. 1. Д. 27. Л. 190б.

²⁹ РГАЭ. Ф. 5244. Оп. 1. Д. 27. Л. 190б.

³⁰ Клиничин Павел Маркович — в 1926 г. сотрудник московского представительства ЕКО, в 1916–1917 гг. один из активных членов Еврейского статистического общества, составитель и автор вступительной статьи к единственному опубликованному в 1917 г. в Петрограде труду Еврейского статистического общества «Еврейское население России по данным переписи 1897 г. и по новейшим источникам».

³¹ РГАЭ. Ф. 5244. Оп. 1. Д. 27. Л. 27.

³² РГАЭ. Ф. 5244. Оп. 1. Д. 27. Л. 61.

³³ В сентябре 1927 г. НКВД утвердил новый устав Всероссийского ОРТа, руководящими органами которого вместо прежнего ЦК признавались Центральное правление (ЦП) и его Президиум. Тогда же Экономическая комиссия при ЦК Всероссийского ОРТа получила новое официальное название Объединенной статистико-экономической комиссии при ЦП Всероссийского ОРТа.

³⁴ РГАЭ. Ф. 5244. Оп. 1. Д. 27. Л. 130б, 169.

³⁵ РГАЭ. Ф. 5244. Оп. 1. Д. 27. Л. 65.

³⁶ В 1926 г. средняя зарплата экономиста в Москве составляла 210 рублей. См.: Труд в СССР. Справочник 1926 — 1930 гг. М., 1930. С. 51.

³⁷ Соскин В.Л. Высшее образование и наука в Советской России: первое десятилетие. 1917–1927. Новосибирск, 2000. С. 86.

³⁸ Текст доклада З.Л. Миндлина был опубликован в «Статистических материалах по еврейской демографии и экономике». М., 1930. № 7. С. 1–12.

³⁹ [Зингер Л.Г.] Три года работы статистико-экономической комиссии... С. 11; РГАЭ. Ф. 5244. Оп. 1. Д. 68. Л. 6.

⁴⁰ О мировоззренческих и методологических особенностях этого периодического издания см.: Могильнер М. «Еврейская раса» в стране Советов // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2011. № 4 (78). С. 178–187.

⁴¹ РГАЭ. Ф. 5244. Оп. 1. Д. 27. Л. 162.

⁴² Материалы по демографии и экономическому положению еврейского населения СССР. М., 1930. № 8. С. 1–101.

- ⁴³ Страшун А. Слияние ОЗЕта и ОРТа // Трибуна. Орган ЦС. Укр. и Бел. ОЗЕта. 1930. № 33. С. 1–2; РГАЭ. Ф. 5244. Оп. 1. Д. 68. Л. 7; Д. 27. Л. 313.
- ⁴⁴ РГАЭ. Ф. 5244. Оп. 1. Д. 27. Л. 342–351.
- ⁴⁵ РГАЭ. Ф. 5244. Оп. 1. Д. 27. Л. 348.
- ⁴⁶ Личное сообщение его дочери С.З. Миндлин.
- ⁴⁷ Николаев М.Г. Неизвестные судьбы госбанковцев в 1920-х: директор иностранного отдела Госбанка СССР В.С. Коробков // Деньги и кредит, 2013. № 7. С. 67.
- ⁴⁸ Корнев В.П. Видные деятели отечественной статистики, 1686 — 1990: биографический словарь. М., 1993. С. 97–98.
- ⁴⁹ Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Новая версия. М., 2015. Ч. 1. С. 196.
- ⁵⁰ Бюллетень статистико-экономических материалов №1. КОМЗЕТ при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР. Статистико-плановый отдел. 1931. Январь. С. 1–3.
- ⁵¹ Бюллетень статистико-экономических материалов 1931. № 2–4.
- ⁵² Зингер Л.Г. Еврейское население в Советском Союзе... С. 4.
- ⁵³ РГАЭ. Ф. 5244. Оп.1. Д. 27. Л. 342, 343, 348, 351.
- ⁵⁴ Гринбаум А. Указ. соч. С. 96, 153, сн. 69.
- ⁵⁵ Зингер Л.Г. Еврейское население в Советском Союзе... С. 144.
- ⁵⁶ Veitsblit I. Vegn payem ORT-manifest // Di Royte Velt. 1933. № 1–3. С. 198–206.
- ⁵⁷ Aleksandrov H., Elianov Sh. Afn social-ekonomishe front // Tsum XV yortog fun der oktiaber revoliutsie. Sotsialekonomisher zamlbukh. Minsk, 1932. С. 45–46.
- ⁵⁸ См. статью Д. Ялен «Статистическая интерпретация и политика еврейского страдания»: переосмысливая жизнь и творчество И.И. Вейцблита (1895–1937)» в настоящем сборнике.
- ⁵⁹ Герасимова И. К истории Еврейского отдела Института Белорусской культуры (Инбелкульт) и Еврейского сектора Белорусской Академии наук в 20–30-х годах // Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. № 2 (12). С. 161, 167; Шевелев Д. Еврейские исследования в Белорусской ССР в 1933–1941 гг. (по документам Центрального научного архива Национальной Академии наук Беларуси) // Вопросы еврейской истории. Материалы XVI ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2009. Ч. 2. С. 483–484.
- ⁶⁰ АРАН. Ф. 677. Оп. 4. Д. 104. Л. 1об.
- ⁶¹ Гринбаум А. Указ. соч. С. 95–98.
- ⁶² Блюм А.В. Еврейский вопрос под советской цензурой. СПб., 1996. С. 67.
- ⁶³ Резолюция пленума ЦСО по докладу т. Диманштейна // Трибуна. Орган ЦС. Укр. и Бел. ОЗЕта. 1932. № 14–15. С. 30–31.
- ⁶⁴ Зингер Л.Г. Несколько цифр о положении еврейских переселенцев в Крыму // Революция и национальности. 1933. № 2. С. 65–66.
- ⁶⁵ Козлов Б.И., Савина Г.А. Коммунистическая академия ЦИК СССР (1918–1936). Материалы к социальной истории. М., 2008. Вып. 1. С. 99, 114, 213, 366.
- ⁶⁶ Дир. Постановление Президиума Совета Национальностей ЦИК Союза ССР в действии // Революция и национальности. 1935, № 9. С. 53.

- ⁶⁷ ГАРФ. Ф. 9498. Оп. 1. Д. 491. Л. 32.
- ⁶⁸ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945 / Сост. Л.С. Гагагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, Дж. Кадио. М., 2009. С. 108.
- ⁶⁹ Гринбаум А. Указ. соч. С. 64–65.
- ⁷⁰ ГАРФ. Ф. 7541. Оп. 1. Д. 791. Л. 1.
- ⁷¹ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР 1923–1939. М., 2011. С. 617–619; Кайкова О.К. Поворот в национальной политике 1935–1937 гг. и судьба национальных меньшинств РСФСР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Истории России. 2006. № 3(7). С. 116–121.
- ⁷² ЦК ВКП(б) и национальный вопрос... С. 171.
- ⁷³ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос... С. 194, 195.
- ⁷⁴ АРАН. Ф. 677. Оп. 4. Д. 104. Л. 6, 11, 16.
- ⁷⁵ ГАРФ. Ф. 9498. Оп. 1. Д. 524. Л. 1–5; Оп. 1. Д. 455. Л. 1–52; Оп. 1. Д. 491. Л. 32–53.
- ⁷⁶ Частично опубликовано: Chkolnikova E. The Transformation of the Shtetl in the USSR in the 1930s... P. 91–129.
- ⁷⁷ ГАРФ. Ф. 7541. Оп. 1. Д. 791. Л. 5.
- ⁷⁸ АРАН. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 865. Л. 1.
- ⁷⁹ Зингер Л.Г. К вопросу о социально-производственной характеристике народностей в переписи населения // Революция и национальности. 1936. № 4 (74). С. 72–74.
- ⁸⁰ АРАН. Ф. 3316. Оп. 28. Д. 865. Л. 95–95об.
- ⁸¹ Известия. 1936. 25 января.
- ⁸² Костырченко Г.В. Указ. соч. Ч. 1. С. 248.
- ⁸³ ГАРФ. Ф. 9498. Оп. 1. Д. 303. Л. 27.
- ⁸⁴ ГАРФ. Ф. 9498. Оп. 1. Д. 303. Л. 27.
- ⁸⁵ Более подробно об Евлите МГПИ им. А.С. Бубнова см.: Куповецкий М.С. Последний советский нацкадр Арон Вергелис: основные этапы социализации до конца 1948 г. // Идиш: язык и культура в Советском Союзе. М., 2009. С. 70–73.
- ⁸⁶ Бренер И.С. Хронология истории несостоявшейся Биробиджанской конференции по языку идиш // Judaica Petropolitana, 2015. № 4. С. 90.
- ⁸⁷ Максимов Л. Ликвидация. Тезисы к 70-й годовщине заката и смерти двух еврейских советских организаций. Документы Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б) (1933–1938). М., 2008. С. 97–98.
- ⁸⁸ Костырченко Г.В. Указ. соч. Ч. 1. С. 267–273. Диманштейн был расстрелян 25 августа 1938 г. сразу же после приговора, оглашенного военной коллегией Верховного Суда СССР. Но его судьбу решил лично Сталин, еще 20 августа подписав вместе с Молотовым расстрельный «Список № 1. Москва — Центр».
- ⁸⁹ ГАРФ. Ф. 9498. Оп. 1. Д. 491. Л. 16.
- ⁹⁰ Не позднее 14 марта 1937 г. предварительные результаты этой переписи были направлены Сталину и Молотову и уже в 20-х числах марта начались первые аресты руководителей переписи. Однако разработка ее материалов продолжалась до лета 1937 г. 26 сентября 1937 г. в «Правде» было опубликовано «Постановление Совета Народных комиссаров о дефектности Всесоюзной переписи населения 1937 г.». Ее материалы стали доступны исследователям лишь в самом конце 80-х гг. прошлого века.

⁹¹ Дальневосточного края.

⁹² ГАРФ. Ф. 7541. Оп. 1. Д. 791. Л. 16.

⁹³ РГАЛИ. Ф. 652. Оп. 8. Д. 29. Л. 76.

⁹⁴ Зингер Лев Григорьевич ... // Личный архив И.И. Крупника. Л. 2.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 9498. ОП. 1. Д. 491. Л. 79.

⁹⁶ Зингер Лев Григорьевич ... // Личный архив И.И. Крупника. Л. 2.

⁹⁷ В частности, еще в первой половине 1937 г. в Киеве «исчез» работавший в начале 1937 г. зам. начальника отдела переписи населения, а на момент ареста начальник сектора населения и здравоохранения ЦУНХУ Украинской ССР И. Вейцблит. Там же в Киеве под арестом до мая 1939 г. находился ответственный сотрудник УкрОЗЕТА в 30-х гг. Я. Кантор. В Ленинграде в июне 1937 г. на 5 лет был осужден до ареста профессор ЛИФЛИ и Пединститута им. А.С. Бубнова Г. Александров — коллеги и основные оппоненты Зингера в начале 30-х гг.

⁹⁸ РГАЛИ. Ф. 652. Оп. 8. Д. 21. Л. 1.

⁹⁹ Когда я написал эти строки, мне вдруг сразу вспомнилось, как в 1990 г., получив соответствующее письмо в Госкомстат СССР от журнала «Sovetish Heimland», мне удалось ознакомиться с тогда еще предварительными итогами Всесоюзной переписи населения СССР 1989 г. по евреям. По такому же письму в Центральном государственном архиве народного хозяйства (ЦГАНХ), ныне РГАЭ, я получил возможность работать с данными Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг., а также текущего статистического учета ЦУНХУ СССР 30-х гг. по евреям. С этих архивных материалов тогда только сняли гриф «ограниченного доступа». Врезалось в память, что взял в ЦГАНХе в руки архивные материалы переписи 1939 г., я в тот момент поймал себя на мысли. Наверняка их перед войной держал в руках Зингер и радовался такой же удаче, как и я, получив материалы только что прошедшей переписи населения 1989 г. Вспомнилось и то, как еще в 1977 г., будучи студентом Московского экономико-статистического института, в институтской библиотеке я совершенно случайно наткнулся на какой-то из выпусков «Материалов» Экономической комиссии ОРТа со статей Зингера. Ведь именно с тем самым эпизодом я связываю возникновение собственного профессионального интереса к этнической демографии советского еврейства, а значит и отчет личной благодарности к Льву Григорьевичу Зингеру, светлой памяти которого и посвящена настоящая статья.

¹⁰⁰ Гринбаум А. Указ. соч. С. 111.

¹⁰¹ Зингер Лев Григорьевич ... // Личный архив И.И. Крупника. Л. 1, 3.

¹⁰² Зингер Лев Григорьевич ... // Личный архив И.И. Крупника. Л. 3.

¹⁰³ ГАРФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 792. Л. 144.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 918. Л. 25; Д. 1050. Л. 27.

¹⁰⁵ ГАРФ. 8114. Оп. 1. Д. 1053. Л. 137.

¹⁰⁶ Некоторые главы труда И. Сосиса «История еврейского народа в России» были опубликованы на идише в 1966 г. в журнале «Bleter far Geschichte» Еврейского научного института в Варшаве.

¹⁰⁷ Зингер Лев Григорьевич ... // Личный архив И.И. Крупника. Л. 3.

¹⁰⁸ Архив ГМИИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1700. Л. 6, 33; Ф. 5, Оп. 2. Д. 43.

¹⁰⁹ Зингер Лев Григорьевич ... // Личный архив И.И. Крупника. Л. 3.

¹¹⁰ Зингер Лев Григорьевич ... // Личный архив И.И. Крупника. Л. 3.

¹¹¹ Зингер Л.Г. Социально-экономические итоги разрешения еврейского вопроса в СССР (Очерки социальной истории советского еврейства). Дисс. канд. ист. наук. М., 1947. С. 68.

¹¹² Зингер Лев Григорьевич ... // Личный архив И.И. Крупника. Л. 4.

¹¹³ Рабинович М.Г. Записки советского интеллектуала. М., 2005. С. 254.

¹¹⁴ Костырченко Г.В. Указ. соч. Ч. 2. С. 266–267.

¹¹⁵ Зингер Лев Григорьевич ... // Личный архив И.И. Крупника. Л. 4.

¹¹⁶ Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. / Отв. Ред. В.П. Наумов. М., 1994., С. 9.

¹¹⁷ Schwarz S.M. The Jews in the Soviet Union. Syracuse. 1951.

¹¹⁸ Зингер Лев Григорьевич ... // Личный архив И.И. Крупника. Л. 4.